

Бен Каунтер

Ренегаты тёмного тысячелетия

В мрачной тьме далекого будущего силы благородных космодесантников — последняя и величайшая линия обороны человечества от чужаков, мутантов и еретиков. Но даже эти сверхчеловеческие воины полностью не защищены от нашествия Хаоса и то, что многие отвернулись от своих братьев по ордену на протяжении веков — ужасная действительность. Одни ищут личной славы, другие жаждут еще большей власти, пока остальные в невежестве и порочности обрекают себя на вечную погоню за мстостью по вине некоего древнего заблуждения...

Роб Сандерс

ДА БУДЕТ НОЧЬ

Регион не просто так назывался Скрытой Областью. Задыхающиеся в пыли и затерянные в Туманности Гарона, Адские Звезды выглядели кровавым маревом, их глубины светились красным, словно раскаленные пыточные инструменты. Чего бы только Демрид Шереметьев не отдал теперь, чтобы их увидеть. Аркс-Финеус IV представлял собой жалкий гарнизонный мир в забытом уголке сегментума Темпестус. Это была невыразительная планета, по большей части покрытая слюдяными пустынями и разваливающимися укреплениями, которые представляли бы больше интереса для имперского археографа, нежели для врага. Для 1002-й Волскианской Теневой Бригады она была домом.

Будучи лордом-маршалом и планетарным губернатором, Шереметьев отвечал не только за своих гвардейцев, но и за обслуживающие гарнизон сообщества, рассыпанные по небольшой планете. Когда бриг снабжения прошел сквозь близлежащий метеорный шторм, корабль предупредил гарнизон, что те также, скорее всего, столкнутся с этим феноменом. Шереметьеву хотелось отвлечь людей от скуки бесконечной гарнизонной службы, где было мало таких возможностей, помимо выпивки, азартных игр и драк — с местными и между собой. Ища одобрения полкового комиссара, почтенного Артура Ганнибала, лорд-маршал назначил костяк наблюдения и разрешил период отдыха на время шторма.

Поступив так, Демрид Шереметьев дал измученным волскианцам и обитателям мерзкой планетки то, чего они не могли и мечтать найти в мутных небесах: ночь прекрасного. Когда короткий день Аркс-Финеус IV сменился ночью, лорд-маршал распорядился выдать свободным от службы гвардейцам лишнюю порцию грога. Пустынный ветер разносил над слюдяными пустошами музыку из кабаков поселения. Волскианцы выбирались на песок, толпясь вокруг бастioned Гвардии и брошенных укреплений. Они сипло распевали песни родного мира-улья, набив утробу выпивкой и обнимая местных девушек. На крыше центрального командного шпиля, среди вокс-мачт и огневых точек, лорд-маршал и Артур Ганнибал распивали прибереженную Шереметьевым бутылку амасека, наблюдая за представлением.

Взгляды обратились к небесам. Входя в атмосферу, метеоритный ливень озарял небо слепящим сиянием. Туманная мгла заплясала светом, вспышками, потоками. Метеориты неслись сквозь атмосферу, оставляя за собой ослепительные сверкающие дуги. Зрелище было невероятно. Небеса сияли. Это была последняя прекрасная картина, которую они когда-либо увидели.

Где-то из вокса раздавались помехи. Уже несколько дней это было единственным, что слышал Шереметьев: вызывающее боль в мозгу шипение пустоты, перемежаемое мольбами, страданиями и воплями, а иногда свистом выстрелов лазеров волскианцев. Вокс-блок на

открытой частоте принимал нерегулярные передачи из фортов, бастионов и аванпостов по всему гарнизонному миру.

Помимо затхлого смрада смерти и пугающей неизвестности ставшего незнакомым мира, только рвущий уши напор вокса помогал Шереметьеву представить кошмарность положения планеты. Его гарнизонный мир. Его ответственность. Все остальное забрала ночь метеорного ливня. Мир изменился. Пламя входов в атмосферу угасло вместе с торжествами. Ночь сменилась днем, и Шереметьев приказал Волскианской Теневой Бригаде вернуться в боевую готовность и полный состав для смотра ранним утром. И лишь затем упал на койку. Спустя всего два часа его разбудил начальник караула, лейтенант Крусак. Он сообщил начальнику, что среди гвардейцев гарнизона и населения планеты началась эпидемия слепоты. Многие уже лишились зрение. Прочим быстро становилось хуже.

— Послать за старшим медиком и полковым астропатом, — распорядился Шереметьев. Если ситуация была настолько плоха, как казалась, мог потребоваться запрос о помощи.

— Экли перегружен работой в лазарете. Мы послали за астропатом, — сказал Крусак. — Однако не можем ее найти.

Шереметьев уселся на краю койки. Ганнибал и волскианцы казались мутными силуэтами.

— Продолжайте поиски. И включите освещение, — произнес лорд-маршал.

— ...оно включено, сэр, — сказал Крусак. Шереметьев кивнул своим мыслям в сгущающемся мраке. Он постучал по виску.

— Не здесь, — мрачно сообщил он.

Это было две недели назад. Возможно, больше.

— Артурус? — хрипло позвал в командный пункт Шереметьев.

— Лорд-маршал, — наконец, откликнулся пожилой комиссар. — Я еще здесь.

Сложно было сказать, где он находится. Вероятно, на полу. Шереметьев наощупь добрался до стула перед трещащим рунным блоком. В одном ухе резко шипел вокс, и бессмысленно тараторил сервитор-техномат, который повторял то, что по мнению Шереметьева могло быть только бесконечным и растущим списком аварийных задач на лингва-технис.

— Лейтенант?

Ничего.

— Крусак?

— Думаю, лейтенант мертв, сэр.

— Вандерс?

— Да, лорд-маршал.

— Сержант, проверка, — приказал Шереметьев.

— Да, сэр, — донесся в ответ грубый голос сержанта с мира-улья. — Орделл... Зандт... Нардина... Возняк...

Лорд-маршал услышал, как со своих мест на слепом периметре отозвались все, кроме Возняка. Жажда и голод сильно по ним ударили. Как и лейтенант, Возняк покинул их.

А затем, когда перекличка завершилась...

— Вы слышали? — произнес Шереметьев. Далекий гул приближающихся двигателей. Он усилился до прошедшего мимо грома, ревущие ускорители несли машину к пыльной равнине на востоке от базы — к посадочной площадке, которую гарнизон великодушно называл космопортом.

— Челнок? — слабым голосом спросил Ганнибал.

— Адептус Астартес? — предположил сержант.

Шереметьеву захотелось обнадежить волскианцев.

— Легион Гадюк с Аврелия, — сказал лорд-маршал.

— Хвала Императору, — задыхаясь, выговорил гвардеец Нардина.

Легион Гадюк периодически достаивал Аркс-Финеус IV своими визитами в ходе патрулирования и пограничной стражи в Туманности Гарона.

— Сержант, — произнес Шереметьев, и в его сухом хриплом голосе появился намек на обычную уверенность и решительность. — Соблюсти протоколы. Встретить Адептус Астартес во внутреннем дворе. Сообщите им, что мы стали жертвой редкого звездного феномена. Известите о нашем бедственном положении. Возьми с собой Зандта. Ступай, сынок. Да пребудет с тобой Император.

— Да, лорд-маршал, — как и в случае с Шереметьевым, отчасти вернулся прежний волскианский сержант. Шереметьев слушал, как Орделл оттаскивает в сторону вещи, которыми они забаррикадировали дверь командного пункта, и как двое гвардейцев шлепают и спотыкаются на пути по входному коридору.

Долгое время Шереметьев, комиссар и оставшиеся волскианцы слушали. Они ждали спасения.

Оно так и не пришло.

Слабое трепетание надежды в животе лорда-маршала превратилось в кусок свинца, когда он услышал с посадочной зоны тошнотворный грохот болтера. Кувыркаясь в абсолютной тьме внутри собственной головы, пока сердце сжималось в отвратительном понимании, Шереметьев узнал звук выстрела при казни. Вскоре последовал еще один.

— Бог-Император, нет... — только и смог выдать лорд-маршал.

— Защитить периметр, — командовал комиссар Ганнибал.

— Что происходит? — испуганно проблеял гвардеец Нардина.

— Это не Легион Гадюк, — сказал Ганнибал. — Нардина, Орделл, к двери.

Пока они ждали, прошла целая вечность, заполненная криками. Не просто муки. Не жестокость ради выживания. Не те боль и страдание, которые последовали за погружением гарнизонного мира во тьму. Это был не страх перед грядущим. Это был кошмар здесь и сейчас, от которого обрывалось сердце. Опасность. Полностью осознанный ужас. Попытки. Террор. Смерть.

На открытом вокс-канале были находившиеся снаружи и внутри командного пункта гвардейцы и имперские граждане, которых они должны были защищать, оказавшиеся в распоряжении сил захватчиков. У Шереметьева не было иного выбора, кроме как ждать и быть безмолвным свидетелем жуткой кары, пока на его людей в персональном мраке их рока охотились с болтерами и клинками закованные в броню чудовища. Когда те прибыли в командный пункт, гидравлическая неотвратимость поступи силовых доспехов, приближающая Ангелов Смерти прямо к дверям, и гром болтеров стали практически облегчением.

Нардина умер, даже не успев положить палец на спусковой крючок. Лазган Орделла бешено зашипел в направлении нападающих, однако безрезультатно. Спустя считанные мгновения помещение наполнилось едким медным запахом постигшей их грязной смерти.

Тишина. Шаг. Тишина. Шаг. Шереметьев наклонил голову, прислушиваясь к звукам своей гибели. Всеобъемлюще загремел голос. Он звучал задушевно, но находился повсюду и был неразделим с тьмой, в которой утопал лорд-маршал.

— Я принес тебе ночь, смертный...

Шереметьев незряче моргнул и проглотил свой страх.

— Мое имя Демрид Шереметьев, лорд-маршал 1002-й Волскианской Теневой Бригады...

— Нет-нет-нет, — укоряюще произнес голос. Слова были холодны, как пустынная ночь. — Мы не имеем дела с именами. Ни с вашими, ни со своими собственными. Мы — ночь.

— Вы предатели...

— Мы имеем дело с ужасом и тем концом, который за ним следует, — произнес ангел-отступник. — Таково наше призвание.

— Шторм? — спросил Шереметьев. — Это ваших рук дело?

Он должен был узнать.

— Орудие устрашения, — сказал космодесантник Хаоса. — Одно из многих, что есть в нашем распоряжении, имперская свинья. А теперь слушай внимательно.

Тьма отдала приказ одному из себе подобных. Последовала потасовка. Шереметьев слышал слабое кряхтенье Ганнибала, который боролся с державшими его космодесантниками Хаоса. Он протянул было руку, но дернулся, когда выстрелил болт-пистолет комиссара. Лорд-маршал услышал вскрик друга, когда бронированная перчатка сломала руку на пистолете, и резкий стук, с которым оружие ударилось об пол, где обладатель шелковистого голоса отбросил его прочь ударом ноги.

— Так-то лучше, — произнесла тьма. — Теперь мы можем поговорить. В наших руках ваше ничтожество со связанной душой, полковой астротелепат. Знай, что для нас она всего лишь собственность. Без предназначения — просто кусок мяса. Прошу тебя, не лишай ее этого предназначения, поскольку только оно сохраняет ей жизнь.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу ответить на ваши молитвы, — посулила тьма. — Хочу послать запрос о помощи Легиону Гадюк на Аврелий.

— Ты хочешь заманить ангелов Императора сюда, чтобы убить их, — закричал Ганнибал. Престарелый комиссар все еще продолжал бороться со своими пленителями.

— Ведьма поможет нам, чтобы спасти свою псайкерскую шкуру, — сказала тьма Шереметьеву, однако чтобы Аврелий принял нас всерьез, нужны ваши полковые коды авторизации. Те, которые дашь мне ты.

— Ничего не давай этому чудовищу, — взревел Ганнибал.

Тьма отдала еще один приказ: указание, которое завершилось последовавшим затем жутким воплем комиссара.

— Слышишь? — обратилась тьма к Шереметьеву, приближаясь. — Ему не хватило прозорливости, и я забираю его глаза. Они бы ему негодились. Я вот думаю, что еще ему может не пригодиться — и он будет всего лишь первым. Я буду поочередно приводить твоих людей и рвать их на части перед тобой. Ты будешь слушать их крики. Будешь чувствовать, как их кровь брызжет тебе на лицо.

Шереметьев затряс головой.

— Прошу вас. Не делайте этого...

— Нет, это я тебя прошу. Не выбирай путь эгоизма.

— Я не могу дать вам...

— Можешь, — настойчиво произнесла тьма. — Можешь и дашь. И вот почему. Никто не придет, чтобы помочь вам, чтобы спасти, чтобы отомстить. Мой корабль стоит так, что уничтожит любой звездолет, который попытается войти в систему или покинуть ее. После создания атмосферных помех, которые вы приняли за прелестный шторм, мы целыми днями сидели на глубокой орбите, слушая, как ваш крошечный гарнизонный мир рвет себя на куски. Вопли. Беспощадное вырождение порядка до хаоса, грабежей и убийств. Еще перед тем, как ступить на эту планету, мы насладились всем. Не сомневайся в нашем вкладе в ваши страдания. Сделай это, и я обещаю тебе свою милость.

— Демрид, нет, — простонал Ганнибал.

— Ты должен, — произнесла тьма. Она была так близко, что казалось, будто слова исходят из сломленного разума самого лорда-маршала.

— Я должен... — наконец, согласился Шереметьев.

— Астротелепатический код авторизации?

— Четыре-два-семь, — несчастным голосом произнес лорд-маршал. — Пси-сигма-эпсилон-дельта.

Голос внезапно снова удалился. Космодесантник Хаоса совещался со своими темными братьями.

— Позаботься, чтобы она им сказала, что этот жалкий мир принадлежит Повелителям Ночи, — шипела тьма. — И преувеличь данные о нашей численности. Мне нужно, чтобы Легион Гадюк послал все, что у них есть, — а затем другому ангелу-отступнику. — Пусть «Мрачный» займет низкую орбиту и ждет, чтобы забрать наши «Громовые ястребы». Затем курс на Аврелий.

— Да, мой повелитель.

Для Шереметьева слов не нашлось.

— Мы несем ночь, — обратилась к нему тьма. — Мы принесли ночь вашей жалкой планете, и пока Легион Гадюк мобилизует свои роты, спеша на помощь вашим трупам, мы принесем ночной ужас на родной мир ангелов.

Шереметьев услышал стон Ганнибала.

— Милосердия...

Повелитель Ночи мрачно усмехнулся.

— Твои люди умрут от жажды, — произнесла тьма. — От голода. Перебьют друг друга. Но ты, принесящий нашему делу так много пользы... Как же я могу не одарить тебя милостью ангелов?

Шереметьев услышал лязг взводимого болт-пистолета Повелителя Ночи.

— Что же ты думаешь, я — чудовище?

Ник Кайм

ВЕРНЕЙШЕЕ ОРУЖИЕ

Вадет ожидал удара, однако тот все равно застал его врасплох. Кость выдержала испытание на прочность, и по щеке медленно растекся болезненный след. Там, где броня на кулаке нападавшего вгрызлась в плоть, кожу как будто пробороздили горячие ножи.

Он почувствовал вкус теплой крови, стекавшей в рот из пореза. Три зуба шатались, а при попытке заговорить челюсть угрожающе затрещала.

— Тихо! — рявкнул нападающий. — Здесь у тебя нет выбора. Слабакам не дают такой привилегии. Для тебя здесь только страдание.

Вадет напрягся в путах, и по спине и груди разлилась новая боль. Оковы врезались в запястья, и он вообразил все способы, какими убьет стоящего перед ним человека. Громоздкий силуэт. Тень, содержащая в себе опасность и злобу. Вадет не знал, кто его мучитель, как не узнавал и голоса в таком ошеломленном состоянии, но в то мгновение, привязанный к стулу, он поклялся, что отыщет труса и жестоко с ним расправится.

С появлением мыслей о мести Вадет поднял взгляд. Один из его глаз почти что закрылся, и он ощущал, что все лицо покрыто кровью, однако обращенный на тень обидчика яростный взор говорил о желании отомстить и сулил расплату.

Избиение прекратилось. Атмосфера в небольшом темном помещении внезапно и необъяснимо изменилась. Вадет услышал шаги, нападавший удалялся. Он задумался, не идет ли тот за оружием или каким-нибудь инструментом, чтобы продолжить боль с унижением.

— Хорошо, — нейтрально, практически с одобрением сказал нападавший.

Вадет не отводил свирепого взгляда, чувствуя, как его ненависть становится чем-то осязаемым, что можно стиснуть в кулаках.

— Ты готов, — произнеся эти последние слова, нападавший вышел из комнаты.

Вадету потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что он не один.

Натужное и неравномерное дыхание. Вздохи противоречиво накладывались друг на друга. Вадет различил еще двух индивидуумов, помимо себя самого. Таких же узников, как и он.

Он мало что помнил о битве, что само по себе было странно, поскольку Адептус Астартес обладали идеальной эйдетической памятью. И все же отдельных элементов не доставало. Казалось, что они не пропали, но... неразборчивы. Туманны. Либо яд, либо какое-то психическое проникновение.

Ксеносы. Это он помнил. Они с братьями зачищали колонию паразитов, оказавшуюся у них на пути. Похоже, что трофеи требовались и эльдар — двум их группам, которые стремились туда изо всех сил. Вадету они все казались налетчиками, однако Гауст заверил, что они принадлежат к двум разным кастам.

— Смотри, брат, — сказал седой ветеран. Гауст был сержантом Вадета, но тот уже почти покинул отделение старого воина ради присоединения к элите Злобных — Очернителям. В случае удачного исхода битвы, если бы Вадет проявил те жестокость и эффективность, на которые, как он знал, был способен и которые показывал в ходе последней карательной кампании в Геклионском скоплении, ему было бы гарантировано место среди Очернителей.

Гауст указал залатанным пальцем перчатки. Та была от другого доспеха, в сущности, из другого ордена. Один из технодесантников наспех ее переокрасил, но невзгоды войны и проявленное самим Гаустом пренебрежение уходом дали старым цветам и изображениям проступить сквозь черно-желтый раскрас Злобных Десантников.

— Видишь. Одни — пираты. Другие — рейнджеры. Все они изгнанники, застрельщики и забияки. За какие бы запасы они ни сражались, те должны стоить всей этой крови.

Две группы эльдар убивали друг друга. Зеленое поле боя, теперь изуродованное огнем и трупами, покрывали лежащие тела. Сооружение, куда все пытались войти, показалось Вадету чем-то вроде гробницы. Возможно, это был арсенал, как предположил Гауст. В любом случае, слишком ценная добыча, чтобы оставить ее без внимания.

Поступил приказ от капитан Виньяра, наблюдавшего за конфликтом с «Чистилища» на нижней орбите над головами. Корабль был столь огромен, что виднелся в ночном небе, тесня двойную луну и заслоняя собой звезды. Если ксеносы и заметили его, то им, похоже, было все равно. Значение имела только гробница из белой кости и трофей внутри.

Тридцать ног в тяжелых сапогах затопали по склону, еще сильнее калеча некогда буколический пейзаж. Вадет шел впереди вместе с Гаустом и остальной частью отделения. Сперва раздались боевые кличи, извергшиеся из уст всех Злобных, а затем болтеры. Когда Вадет был скаутом, надзиратели учили каждого неопита стрелять короткими очередями.

— Берегите патроны! — часто рявкали седые наставники. — У вас на клинках и во рту есть зубы. Пользуйтесь ими, но знайте, что это не самое верное оружие.

Тело ксеноса дернулось, когда в него попал один из выстрелов Вадета. Плащ с капюшоном, легкая бежевая броня, похожая на волокнистую шерсть — доспех чужого не защищал от массореактивного заряда. Он резко взорвался, ноги отделились от тела, окатив его сородичей и врагов кровью. Отвлечение помогало. Оно сеяло дальнейшую неразбериху. Еще одна очередь. Вадет потратил всего шесть жалких зарядов до того, как вступил в бой с пилой.

Гауст сражался киркой. Оружие имело генератор силового поля, которое проявляло себя крошечными разрядами электричества на бойке. Струйки коронных разрядов медленно ползли по рукояти, стекая со смертоносного острия, пока Гауст продолжал бить, как заведенный.

Эльдар были более искусны в ближнем бою. Вадет сражался с одним из них. На том был черный сегментированный доспех явно насекомоподобного аспекта, с шипами на плечах, локтях и коленях. В беспорядочной рукопашной, вспыхнувшей на по большей части бесплодных равнинах, обе группы сошлись с космодесантниками.

Вадет получил удар по верхней части доспеха. У эльдара был энергетический хлыст, который зацепился за руку и продолжал прожигать керамитовую оболочку основы. Несмотря на боль, Вадет схватился за туго натянутый кнут и рванул врага к себе. Голова врезалась в лицо ксеноса, вдавив нос и большую часть левой скулы. Лицевой щиток Вадета окатило дождем из крови и костей, и обвивавший руку хлыст обмяк. С его помощью воин задушил еще одного ксеноса.

Осталась лишь горстка. Невзирая на явные различия, они собрались вместе. Их окружили вскинутые болтеры, непрерывно уменьшающееся кольцо силовой брони цвета желтой желчи стягивалось вокруг них, словно петля палача.

После этого, после момента, когда Вадет обернулся к Гаусту, чтобы сравнить истории о доблестных свершениях в бою, он помнил только фрагменты. Помнил грудь Гауста с вскрытым ее провалом. Сержант что-то бормотал, с нижней губы стекала кровь, а внутренности медленно

превращались в жидкость. Вадет не мог понять, что происходит. Его взгляд переместился на убийцу Гауста.

Ауспик засоряло перемолотое месиво, которым был заражен воздух, что бы это ни было. Обзору мешала та же листовенная каша, которую Злобные потревожили при наступлении по равнине. Вадет увидел очертания силовой брони. Они находились достаточно далеко, чтобы быть смутными, однако не настолько далеко, чтобы он не узнал мелтаган в руках у фигуры.

Новые крики, на сей раз не боевой пыл, а спешка. Перегруппироваться. Передислоцироваться. Выжить.

К Вадету подкатился какой-то предмет. Он взглянул на то, что с безобидным видом лежало под ногами. Граната взорвалась. Мир для Вадета почернел. Через какое-то время он очнулся в камере.

Вспыхнул свет. Он был не резким, однако после глубокой темноты Вадету потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться. Двое рядом с ним были эльдар, по одному с каждой стороны. Вадет запоздало осознал, что сторон было три, и Злобные Десантники являлись одной из них. Они все были пленниками. Фигура с мелтаганом, авангард другой силы, банды отступников. Злобные либо проиграли бой, либо оставили Вадета, сочтя его мертвым.

Из груди Вадета что-то торчало. Он только что это заметил, но сразу после этого оно начало жечь. Оковы на запястьях и лодыжках распались и с громким лязгом упали на пол. Не было времени схватиться за жгущий кожу предмет. Эльдар тоже оказались на свободе. В их глаз было нечто... Вадет увидел ярость. Безрассудную. Чистую. Он был ее объектом. Ксеносы, ощерившись, бросились на него. Никакого оружия, только мускулы и решимость.

Вадету было больно. Он был замедлен. Над ним поработали гораздо больше, чем над товарищами по заключению. Ксеносы были худыми, но тем не менее сильными и в хорошей форме, невзирая на плен. Один забрался Вадету на спину, и тот забился, пытаясь его сбросить. Второй обрушил на лицо, торс и шею град ударов. Из-за той же слабости Вадет плохо защищался. Из рта вновь хлынула кровь, он выплюнул зуб, а на краю зрения стала неуклонно наползать чернота. Он понял, что его забивают до смерти. Если ничего не изменить, Вадет умрет, несмотря на свои размеры.

Первым разрослось непокорство уготованной участи. Оно заставило снова подняться с коленей. Оно продлилось несколько секунд, а затем терзавший его тело ксенос вышиб из-под него дрожащие ноги. Его гортань раздавливали, две костлявых руки обхватили ее и сжимали. От пинка в висок перед глазами полетели искры и раздалось зловещее глухое стучание.

Быть уложенным этой мразью шло вразрез со всем, за что стоял орден. Вразрез с чувством превосходства и ксенофобией, с верой в свое преимущество и нетерпимостью к любым отклонениям. Эти создания были мерзостью. Они во всех отношениях уступали Вадету.

Не потерпи, дабы чужак жил.

Выбитая челюсть помешала Вадету произнести слова вслух, однако он прочувствовал каждое из них. Он почувствовал, как внутри забил источник ненависти, который, обжигая, поднял его на ноги. Воин взревел, издав искаженный и нестройный звук неоспоримого бешенства. Он сокрушил тварь на спине, впечатав ее в стену. Вторую он забил насмерть локтями и кулаками. Спустя считанные секунды все кончилось, и остался только покрытый кровью и возбужденный Вадет. Снова вспыхнул свет, столь яркий, что пришлось прикрыть глаза окровавленной рукой.

Перед ним снова стояла фигура. Она говорила тем же голосом, что и раньше.

— Что есть вернейшее оружие?

Вадет не мог ответить. Он едва мог смотреть. Опустив руку, он готовился к бою, когда увидел сержанта в облачении цвета черного угля и желтой желчи.

Злобные Десантники. Мой орден.

На самом деле это был не вопрос. Просто часть их мантры. Другую часть Вадет физически выразил избитыми телами у своих ног.

— Посмотри вниз, — произнес сержант. Его звали Кастор, и на нем была часть брони Гауста, а также его силовой молот. За такое оружие можно убить.

Из груди Вадета торчал похожий на камень осколок багрового цвета. Взглянув на него, воин почувствовал, что ненависть вновь разгорелась, однако он смог ее обуздать.

— Вот что было в гробнице. Не оружие, не совсем, — сказал Кастор, — однако это. Оно приводило их в исступление. Подействовало даже на брата Играта. Он убил твоего прежнего сержанта прежде, чем Клиток уничтожил камень. После этого поднялась красная дымка. То, что осталось, засело в тебе. Это дало возможность. Я решил воспользоваться ей, чтобы испытать тебя. Инициация. Эта была уникальной.

Ошеломленному и избитому Вадету потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, кто такой Кастор. Тот возглавлял Очернителей и был одним из самых жестоких бойцов, когда-либо украшавших собой орден.

— Мне требовалось увидеть, — сказал Кастор, — можешь ли ты воплотить все то, чем мы являемся. Перевесит ли твоя ненависть их, даже когда осколок сводит их с ума.

Вадет ничего не ответил. Если ему и было, что сказать Кастору, он не мог произнести этих слов. За него говорили глаза, пылавшие презрением.

Кастор улыбнулся. Это выражение не вязалось с его покрытым шрамами лицом с седыми волосами.

— Теперь ты Очернитель, Вадет. И это тебе тоже больше не понадобится, — он протянул руку, вырвал осколок из плоти Вадета и раздавил его в бронированном кулаке. — Ты усвоил самый главный урок. Наша мантра — это не просто слова. Это истина. Ненависть, брат, — произнес он, узнавая непроходящую ярость в глазах Вадета. — Ненависть гонит нас. Она движет нами. Острее любого меча. Прочнее любого звездолета или крепости. Холоднее, чем лед Фенриса.

Кастор протянул руку, чтобы скрепить клятву приема кандидата в Очернители.

Вместо этого Вадет ударил его так сильно, что сержант припал на одно колено.

Выплюнув кровавый сгусток, Кастор улыбнулся, поднимая взгляд на своего последнего подопечного.

— Да, брат. Теперь ты видишь, не так ли? Ненависть — вернейшее оружие.

Аарон Дембски-Боуден

АБАДДОН: ИЗБРАННИК ХАОСА

Позором с тенью преобразены.

Свободны.

Когда другие перед Троном склонены.

В черном и золоте вновь рождены.

Братя.

Когда другие обособлены.

Когда к нам приводят пленника, я не могу определить, сохранил ли тот достаточно собственного достоинства, чтобы удержаться от тщетной борьбы, или же у него просто нет сил отбиваться. Его доспех, некогда имевший царственно-белую окраску вырезанного ордена, теперь представляет собой серо-стальные останки. Раньше на керамите горделиво красовались почетные знаки и символы подвигов, но теперь его украшают лишь рубцы и подпалины. Можно было бы сказать, что Судьба оказалась к нему неласкова, однако это будет ложь. Это мы оказались к нему неласковы. И к его ордену. И к населению, которое они пытались защитить.

Судьба тут ни при чем.

Мои рубрикаторы швыряют его на грязную землю. Исполнив свою обязанность, они поворачивают ко мне лицевые щитки в ожидании распоряжений.

Убейте его, если пошевелится, — безмолвно передаю я им.

Они направляют свои изукрашенные болтеры на распростертого пленника неторопливыми призрачными движениями тех, кто уже не в состоянии даже изображать жизнь. На всех нас обрушивается маслянистый поток ливня, который шипит на рогатых шлемах братьев и хельтарских плюмажах моих слуг из пепла.

— Позволь мне, — произносит Леор. Ротовая решетка его шлема щерится сжатыми керамитовыми клыками. Когда-то она была красной. Теперь черная. — Позволь привести приговор в исполнение.

В последние годы у Леора появилась привычка отмечать убийства царапинами на своей броне. Когда его руки не могут стиснуть оружие, то подергиваются в неприятных конвульсиях.

Наш командир ничего не отвечает, и Леор делает шаг вперед, приставляя к шее пленного зубчатое лезвие цепного топора.

— Эзекиль. Позволь мне эту честь, — я не чувствую в нем ничего, кроме искренней, гневной преданности. Она исходит из его разума незримой жгучей дымкой.

Пленник поднимает глаза. В его взгляде непокорство, однако оно не в силах полностью скрыть удивление от имени, которое произнес мой брат. Впрочем, мы — Эзекарион. Единственные, кому дозволено называть Магистра Войны по имени.

Рядом со мной стоит Телемахон, который наблюдает, скрестив руки поверх нагрудника. Его разум закрыт для меня, и мне этого довольно. Прошло девять лет с последнего раза, когда я пытался его убить. Семь с последнего раза, когда он пытался убить меня.

— Будь немного сдержаннее, брат, — говорит он Леору. — Он может пригодиться.

У Телемахона самый красивый голос из тех, что мне когда-либо доводилось слышать. Голос, которым можно сотрясать души и очищать сознания — мягкий без примеси слабости и сильный без надменности. Даже треск помех вокса не в силах нарушить плавную интонацию.

— Хайон, — произносит Магистр Войны. Услышав собственное имя, я оборачиваюсь и смотрю на Абаддона, который единственный из нас стоит под дождем с непокрытой головой. Тем из нас, кто обладает шестым чувством, трудно долго глядеть на него.

— Эзекиль, — откликаюсь я, уже отводя взгляд.

— Что ты посоветуешь?

Ему известно, что я устал от этой войны. Я не раз грозил, что заберу свой флот и отправлюсь впереди Легиона, преследуя иную добычу. Лишь по просьбе Магистра Войны я остался с ним здесь, на передовой.

— Брат, если ты хочешь, чтобы я прорицал судьбу по его внутренностям, то советую обратиться к Белому Провидцу или Плачущей Деве.

Я рискую бросить на него еще один взгляд. В лучах угасающего солнца его глаза нездорово блестят янтарем. Под мертвенной кожей паутиной переплетаются вены, раздутые той силой, которая насыщает его бессмертную плоть.

Я слышу, как его меч начинает шептать мне, и понимаю, что смотрел слишком долго.

Я немедленно вновь оборачиваюсь к пленнику. Воин — капитан своего ордена с жидкой кровью — дрожит от приближения смерти. Одно из его сердец уже отказало. От него сильно пахнет кровью, даже сильный ливень и злой ветер не могут скрыть этого. Дыхание скрежещет в наполовину разрезанном горле.

— Я не нуждаюсь в пророчествах на его предсмертных муках, — говорит мне Абаддон и сам шагает вперед. Он кладет искривленные клинки-косы Когтя на плечо пленному. — Почему ты позволил взять тебя?

Брат-капитан поднимает голову и... плюет на когтевидные клинки оружия, которое прикончило примарха.

Леор издает мрачный булькающий смешок. Смех Телемахона сладкозвучен, он призывает остальных смеяться вместе с ним. Даже я чувствую, как рот расплзается в улыбке от последнего акта непокорности воина. Дождь смывает едкий сгусток слюны с изогнутого адамантия.

Лишь Абаддон, как кажется со стороны, остается не затронут весельем, хотя я чувствую, как его сознание в миг неприкрытой искренности испускает импульс удовольствия. Он приседает возле пленника под хоровой скрежет и стрекот сочленений доспеха.

— Это смягчило твой стыд? — спрашивает он у капитана. В голосе жестокая учтивость. Практически... доброта. — Этот небольшой всплеск злобы. Маленький акт неповиновения. Он смягчил твой стыд от того, что ты умираешь, не исполнив свой долг? Воздал мщение за тысячу братьев, которых мы убили и осквернили? Оправдал вашу неудачу при защите этого мира?

Капитан снова плюет, на сей раз — в лицо Магистру Войны. Абаддон улыбается, пока ручеек сбегает по щеке.

— Вот, братья, те дети с жидкой кровью и прочищенным разумом, которых Империи породил в наше отсутствие. Те, кто унаследовал за нами.

Раздаются новые смешки. Капитан искренен в своем непокорстве, однако он демонстрирует гордость не перед той аудиторией.

— Когда-то, — говорит ему Магистр Войны, — мы были ангелами. Не вне имперского закона. Выше него. Не защитниками человечества. Его владыками.

Капитан делает последний вдох, готовясь плюнуть в третий и последний раз. Абаддон не дает ему такой возможности. Магистр Войны с практически любящей медлительностью погружает один из

когтей в грудь космодесантника, разрезая сердца, легкие, мышечную ткань и позвоночник с неторопливой ласковостью.

— Слышишь эти вопли? — мягко произносит он. — Крики на границе твоих гаснущих чувств? Боги идут за тобой, герой. Идут за твоей душой.

Абаддон вынимает коготь и целует умирающего воина в лоб — словно полководец бронзового века, благословляющий одного из своих избранных воителей.

— Спи, отважный защитник человечества. Никчемная жизнь близится к завершению, и ты отправляешься за своей наградой в Море Душ.

Он поднимается на ноги. Лишившись поддержки, тело капитана заваливается в грязь. Но прежде, чем отвернуться, Магистр Войны приостанавливается.

— Хайон, — обращается он ко мне.

— Брат.

— Ты можешь найти демона, который поглотил душу этого воина?

Ему известно, что я могу. Он спрашивает, сделаю ли я это.

— Будет исполнено, — говорю я.

— Благодарю тебя. Свяжи его внутри трупа и брось к остальным Дваждырожденным.

Гэв Торп

СОМНЕНИЕ РОЖДАЕТ ЕРЕСЬ

— Тило!

От раздавшегося в воксе рева Леенхарта аптекарий чуть не оступился на середине удара. Визжащие клинки нартециума врезались в горло боевого сервитора, разбрызгивая кровь и густое масло. Тило сделал шаг назад, чтобы выпустить из своего болт-пистолета заряд в лицо очередному полумеханическому противнику, расплескав лоботомированные мозги того по переборке.

Когда-то его доспех был белым, указывающим на специализацию, с темно-синими наплечниками ордена Мстящих Сынов, однако они покрасили свои цвета строгим черным. У некоторых из числа прочих появилось обыкновение украшать броню трофеями и расписывать лозунгами и символами, которые казались подходящими, но Тило никогда не ощущал такой потребности.

— Виллуш, держи фланг, — бросил аптекарий одному из товарищей. По краю наплечника Виллуша было убористым почерком написано: «Покой смерти». — Я нужен.

— Принял, — отозвался Виллуш. Тило отступил, и он шагнул в разрыв, опрокинув из болтера очередного сервитора, карабкавшегося по лестнице с нижней палубы. Двое других — Кольбарн и Хайндрейх — расположились дальше по коридору, отстреливая полулюдей Адептус Механикус, которые спускались по ступеням с верхнего уровня.

— Иду! — аптекарий повернулся и побежал, когда Леенхарт вновь прокричал его имя.

Он с грохотом возвращался по коридору, минув широкую обзорную пластину, за которой был виден сверкающий пояс астероидов. Звезда, вокруг которой они обращались, казалась далекой точкой лишь чуть ярче прочих. Испещренную кратерами поверхность снаружи усеивали рудники и краны, а небо заполняли прочие камни и кружащиеся платформы. На горизонте безвоздушной

скалы, словно ложный закат, сияли красным двигателя «Мстительного», а мерцание звездного света на ударном крейсере казалось созвездием на фоне рукава галактики. Их «Громовой ястреб» стоял на голой скале менее чем в полукилометре, темнея на светлой поверхности.

У Гессарта все звучало просто. «Мстительному» требовалось постоянное обслуживание, в особенности — плазменному реактору. Ротный технодесантник погиб, сражаясь с орками и системе Ханадрона, а им требовался кто-то, искушенный в машинных духах. Адельфиос представлял собой квазиавтоматический рудник Адептус Механикус, его команда состояла из горстки техножрецов и нескольких дюжин безмозглых сервиторов. Все, что им требовалось сделать — найти техножрецов и забрать пару-тройку на корабль. Как объяснил Гессарт, при угрозе немедленной казни единственным логичным вариантом поведения для пленников будет отбросить шаткую верность Империи и связать свою судьбу с отступниками.

До сих пор все шло хорошо, однако по интонации криков Леенхарта, по тени отчаяния в его голосе, Тило понял, что миссия перестала идти по плану.

Он обнаружил остальных на вершине группы лестниц неподалеку от шлюза, где они вошли на обогатительный завод. Леенхарт стоял наверху лестницы, паля вниз короткими очередями из тяжелого болтера, трое его спутников охраняли коридоры, тянувшиеся налево и направо от места посадки. Оператора тяжелого вооружения было легко заметить среди братьев благодаря нарисованному на личине шлема ярко-белому черепу с пулевым отверстием во лбу.

Там был и Никз, на доспехе которого в равной мере присутствовали красный и черный цвета, левая рука и торс были расписаны под брызги крови. Цепной меч украшал кровавый девиз «Истина ранит», хотя надпись мешал разглядеть слой настоящей крови горы сервиторов, лежавшей у ног космодесантника.

А среди них на боку лежал Гессарт.

Тило сразу же увидел, что бывший капитан в тяжелом состоянии. Большой части правой стороны груди не было, бронированный нагрудник треснул и раскололся от какого-то чудовищного удара. В ране до сих пор пузырилась кровь, а фрагменты кости торчали под странными углами.

Когда Тило подбежал к остальным космодесантикам, Никз обернулся.

— Не спеши, — произнес самозванный заместитель Гессарта, и казалось, что именно это он и имеет в виду. Никз не скрывал, что хочет возглавить отряд. — Если хочешь уйти, я точно это запомню.

— Не смей, Тило, — зарычал Леенхарт, отходя от лестницы и вскидывая тяжелый болтер. — Спаси Гессарта.

— Я попытаюсь, — сказал Тило, снова глядя на рану, а затем переводя взгляд между Леенхартом и Никзом. — Мы должны доставить его на корабль, здесь я ничем ему не помогу.

Леенхарт и Устрех взвалили безвольное тело Гессарта на смотровой стол. Никз напоминал тень. На нем не было шлема, прищуренные темные глаза не отрывались от Тило, перемещавшегося возле раненого предводителя. У дверей аптекариона столпилось несколько прочих.

Пол задрожал, пустотные щиты «Мстительного» перехватили очередную атаку со стороны обороны завода в нескольких километрах внизу. Противокорабельная канонада началась перед тем, как «Громовой ястреб» пришвартовался внутри ударного крейсера. Примитивный, но эффективный обстрел озарял несколько кубических километров пространства вокруг корабля.

— Говорит Захерис. Мы не можем долго тут оставаться, — сообщил по воксу псайкер отряда. — Кто знает, сколько пустотные щиты продержатся, когда некому управлять притоком энергии от реактора? Если мы лишимся генератора, нам его уже никак не запустить.

— Уводи нас отсюда, — отозвался Леенхарт.

— Отставить! — бросил Никз, посмотрев на товарищей. — Мы пришли сюда за техножрецом и не уйдем без него.

— Хорошо, — сказал Леенхарт. — Возвращайся за техножрецом. Я подожду здесь и понаблюдаю.

— Я не настолько глуп. Стоит мне сойти с корабля, как вы бросите меня вниз.

— Заткнитесь, — прорычал Тило, заставив их умолкнуть. Он подошел к Гессарту с другого бока. — Я не могу оперировать, когда мне так мешают. Захерис?

— Я тебя слышу.

— Выведи нас из зоны досягаемости их пушек.

— Я сделаю лучше.

Никз не стал протестовать, когда Тило занялся извлечением осколков брони из раны Гессарта. Внезапно возникло ощущение беспорядка, будто выворачивания наизнанку и переворота с ног на голову. Тило тут же почувствовал давление в основании черепа.

— Мы только что перешли в варп? — рявкнул Никз. — Мы разве не слишком близко к полю астероидов?

— У меня... свои методы, — произнес Захерис через коммуникатор. — В варп-пространстве мы в безопасности и при необходимости можем переместиться обратно к астероидному заводу для возобновления миссии.

— С каждым днем он становится все сильнее, — пробормотал Леенхарт через систему внешнего оповещения. — Не уверен, что мне это нравится.

— Хоть в чем-то мы сходимся, — заметил Никз.

Тило старался не обращать на них внимания, однако ему было сложно сконцентрироваться. Он чувствовал себя не на месте и неуклюжим, как будто пытался пользоваться чужим телом. Он слышал новые голоса, которые были совсем близко и нашептывали ему в ухо.

Ты должен его спасти.

Не дай ему умереть.

Ты тратишь время, он умирает.

— Прекратите эту бесконечную болтовню! — Тило выпрямился и развернулся к остальным. — Как мне работать под нескончаемый треск?

Леенхарт и Никз переглянулись.

— Все молчат, — сказал Никз.

Тило потряс головой, осознавая, что до сих пор слышит голоса.

Если он умрет, это будет твоя вина. Лучше не дай Никзу взять верх. Будет кровавая баня.

Он не был уверен, звучат ли голоса у него в голове. Они не ощущались как собственные мысли.

Тило посмотрел на зияющую дыру в теле Гессарта и понял, что ничего не может сделать. При нормальных обстоятельствах он бы прибег к гипноиндукции, чтобы помочь Гессарту активировать свою мембрану устойчивого анабиоза, чтобы раненый предводитель впал в биостазис до

возвращения в крепость-монастырь ордена. Это был не вариант. Они были отступниками — «Изгнанниками», как начал называть их Гессарт — и им было некуда идти.

— Слишком поздно? — злорадно спросил Никз, как-то распознав в поведении Тило признаки капитуляции.

— Если он умрет, ты вскоре последуешь за ним, — прорычал Леенхарт.

Голоса становились громче, они говорили Тило, что он не в силах спасти Гессарта. Принимая во внимание доступные возможности, с ними было сложно спорить. А затем голоса изменились, нашептывания смолкли, и им на смену пришел один глубокий, но тихий голос.

Отдай его нам, и мы спасем его.

Тило огляделся по сторонам, чувствуя движение на краю зрения, словно вместе с ним в аптекарионе находилось что-то еще.

— Выйдите, — произнес он. — Выйдите!

— Я буду снаружи, — сказал Никз и многозначительно посмотрел на Тило перед тем, как отвернуться. Леенхарт помешкал, а затем последовал за ним, забрав с собой Устреха. Дверь помещения с лязгом закрылась, а затем, зашипев, заперлась, и Тило привалился к краю смотрового стола, склонив голову.

Если он умрет, вас всех поглотит вражда.

Тило не нуждался в таинственном голосе. В отсутствие сильной личности Гессарта, удерживающей отряд в целостности, вскоре начнется междоусобица — хотя Тило до нее не доживет. Леенхарт об этом позаботится.

— Я не могу его спасти, — произнес Тило. Признание вслух принесло облегчение. — Повреждения слишком обширны, а у меня нет необходимых ресурсов.

Верь.

— Вера? — рассмеялся Тило. Он положил руку на грудь Гессарта. Та слабо вздымалась и опадала, но дыхание было натужным, а сердцебиение неравномерным и угасающим. — Вера способна на многое, но она не в состоянии прижечь артерии и заменить раздробленные кости.

Вера способна на все. Тебе просто нужно пожелать, и все исполнится.

— Пожелать? Так вот просто? — Тило повернулся и прислонился спиной к столу. Один из углов аптекариона заполняла тень, которая зачерняла мерцающее освещение и показания мониторов. — Я не глупец. Мне известно, кто ты. Мы в варпе, в твоём обиталище, без полей Геллера. Захерис уже заключил сделку с вашим родом. Покажись, демон.

Тень сгустилась в нечто отчасти твердое. Фигура была огромной и раздутой, серо-зеленая плоть свисала гниющими складками, пожелтевшие глаза казались маленькими на широком лице. Внутри изуродованной чумой плоти, сотрясая ее, извивались какие-то существа. Обычно в аптекарионе пахло стерилизующей жидкостью и металлом, однако теперь там повис смрад порчи и гангрены.

— Отдай его мне, и я спасу его, — сказала видение. Между сломанными пеньками зубов высунулся бородавчатый язык, и на толстых губах запузырилась слюна.

— Зачем он тебе?

— Мой соперник уже обладает одним из вас. Я не могу допустить перевеса.

— И что же ты с ним сделаешь?

— Все, что пожелаю. Когда он, в конце концов, умрет, его душа станет моей.

— А если я откажусь?

— Он умрет гораздо быстрее, а вместе с ним и все вы. Думаешь, ваш ведьмак и его союзник в силах постоянно сдерживать меня и моих приспешников? Я зароню в их разумы семена отчаяния, и к концу они будут молить о смерти. Избавь их от этого. Избавь себя от такой судьбы.

— Не мне отдавать его душу. Я не могу заключать сделку от его имени, — видение начало угасать. — Подожди! Возможно, я смогу предложить тебе нечто иное. К чему брать силой то, что могут предложить добровольно?

— У него сильная воля, он не станет подчиняться, когда я его заполучу.

— Как я и думал. Но что если я предложу нечто иное? Что, если я добровольно предложу свою верность и пообещаю исполнять твои приказы руками смертного, как Захерис служит твоему сопернику? Наверняка это лучше, чем марионетка, которая каждый миг борется с тобой?

— Ты сделаешь это для него? Ты так его любишь? — призрачная фигура вернулась, став более реальной, чем раньше, и растянув губы в жуткой улыбке. — Мое внимание не будет милосердным, однако я избавлю тебя от боли. Боли плоти и боли слабости. Ты готов пострадать за него?

— Нет, — тихо ответил Тило. — Но я не хочу умирать. Я предпочту жить в муках, чем кануть в небытие.

— Быть может, в будущем тебя ждет и то, и другое. Будь осторожнее с обещаниями. Выбирай сейчас. Твоя душа, или его?

Дверь аптекариона с визгом открылась, и в мгновение ока внутри оказался Никз, которого сопровождал Леенхарт. Тило стоял возле операционного стола, а рядом с ним, обхватив одной рукой аптекаря за плечи, был Гессарт. Его лицо было похоже на восковое, а тело облепляли повязки и куски высохшей антисептической пены.

— Ты жив, — прорычал Никз, яростно глядя на Тило.

— Он спас меня, — прохрипел Гессарт.

Тило промолчал.

Лори Голдинг

КРОВЬ СОТЫ

Все то, что я имею и чем являюсь, заработано и оплачено кровью.

Моей собственной, братьев и врагов.

Крепко сжимая обеими перчатками огромный топор — символ моей власти — я шел по мрачным коридорам корабля, выискивая ускользающую дичь. На шифрованном канале вокса трещали напряженные переговоры моих подчиненных, которые прочесывали инженерные уровни и верхние палубы.

При нормальных обстоятельствах я бы сделал им выговор за подобную расслабленность — в конце концов, это была охота, а охотники хранят молчание, пока не возьмут добычу — однако принимая во внимание обстоятельства, я придержал язык.

Их дисциплину подточило горе. Горе утраты родного мира ордена.

Явился Великий Пожиратель, и теперь оказалось, что чужеродная жажда плоти и крови последовала за ними к звездам. В момент наибольшего упадка она поразила их из тьмы малого корабля-убежища, пока они бежали, пробиваясь сквозь безумие варпа. Правда ли, что возобновившийся яростный жар этой кровожадности, этой жгучей потребности убивать, пожирать и осквернять всецело застал нас врасплох? Или же это было с нами с самого начала?

Итак, принимая во внимание обстоятельства, я придержал язык. Насколько я мог судить, к этому моменту мы, наконец, оставили тиранидам лазурную кривую ближней орбиты Соты. Нас было четырнадцать, последние уцелевшие из славной Восьмой роты.

Меня зовут брат-капитан Воск Далл. Я назначен — или, скорее, был назначен — лордом-палачом Кос Императора.

Внутри моего шлема зазвенел вокс, хотя канал в значительной степени забивали наспех введенные протоколы безопасности. Голос принадлежал брату Митру — многообещающему молодому воину, который, по-моему, был родом с мира-улья Раднар.

— Братья, тут еще тела. Уровень шесть, каюты экипажа.

Он сделал долгую паузу, нерешительные шаги были едва различимы на фоне шипения.

— Святая Терра. Их порвали на куски.

Несколько месяцев назад я отметил Митру на повышение до командира отделения, хотя пламя амбиций мгновенно пропало из его глаз, когда он впервые увидел огромные корабли флота-улья Кракен, чьи кружащиеся щупальца тянулись к нам. В самом начале вторжения мы наблюдали сквозь громадные обзорные порталы орбитальной станции «Эгида», как абордажную команду сержанта Ремаса поглотил головной корабль ксеносов, и в тот миг я понял, что перестал доверять Митру. Неважно, боялся ли он на самом деле чужих в глубине себя, однако он точно не испытывал к ним такую всеподавляющую ненависть, как я. Лишь только взглянув на него, я осознал это с той ясностью, которую в силах дать лишь такие моменты.

В отличие от Митру, я бы с удовольствием остался и обрушивал на тиранидов кровавое возмездие до самого печального конца. Я бы воздвиг гору из сотни их уродливых черепов во имя планеты, до которой мне, по правде говоря, было мало дела.

После того, как мы избежали рока Соты, битве предстояло продолжиться на борту нашего корабля.

Я родился на Беремине, самом малом и удаленном мире Сотарской Лиги. Казалось, что его никогда не следует принимать в серьезный расчет, однако именно так дело и обстояло — это было очевидно, хотя никто об этом открыто не говорил. Косы Императора держали один из своих многочисленных аванпостов для сбора дани в льдистых горах за равнинами, где обитали мои смертные сородичи, и еще до того, как я встретил свою десятую зиму, меня забрали в эту холодную твердыню, дабы я начал жить заново.

Я и мои товарищи-рекруты не ступали на нашу новую, приемную родину до становления полностью прошедшими инициацию боевыми братьями ордена. Я всегда гадал, было ли это сознательным умыслом — до последнего возможного момента держать низкорожденных на расстоянии, пока наши более удачливые кузены с Соты с первого дня службы процветали в тренировочных залах горы Фарос. То же самое происходило со всеми инициатами-иномирцами, что говорило о глубоко заложенном в культуре высокомерии, которое бередило мне душу с того мига, когда я впервые вдохнул родной воздух.

— Мы приветствуем вас, братья, — произнес капитан Пнагос, Магистр Рекрутов, на посадочной площадке Одессы. — Ваш путь был долгим, но теперь вы стоите рядом с прочими из нас как равные.

Равные.

Равенство. Сомневаюсь, что старый пес вообще знал значение этого слова. Он встретил нас в сопровождении почетного караула из скаутов — скаутов! — и объявил всех нас равными. По ту сторону забрала я скрежетал зубами, пока один из них не сломался.

Как же это было показательно — когда много десятилетий спустя я поднялся до командования Восьмой, то оказался единственным ротным офицером за более чем девять веков, который вырос не на родной планете ордена. К тому моменту Пнагоса уже не было, он был убит в ходе Ксиканской кампании, и его сменил магистр Левидис — очередной сотанец. Не могу отрицать, что был разочарован. Мне бы понравилось выражение лица старого Лагоса, когда я бы отказался от изукрашенной двуручной косы своего предшественника, а вместо нее принял от Берлина покрытый бронзой силовой топор и на его клинке принес клятвы капитана.

Равные...

Мигающие осветительные полосы отбрасывали в коридор впереди длинные тени. Митру и прочие удаленно перекрыли большинство основных магистральных проходов, заблокировав переборки, чтобы помешать врагу перемещаться между отсеками и провести атаку на собственных условиях.

Это было умно. Принимая во внимание обстоятельства, я не ожидал этого от него. Возможно, для него еще оставалась надежда.

Я быстро и тихо двигался обратно к транзитным конвейерам, откуда поступили первые панические сообщения о продолжении сражения. Исходя из расчета движений и распространения атаки, предполагалось, что это, скорее всего, была некая ксеноформа-убийца, проскользнувшая на борт вместе с проклятыми беженцами из северного жилого блока, или же в аварийном грузе, которые помещали на все возможные эвакуационные корабли. Сейчас уже было невозможно сказать наверняка. Слишком много хаоса творилось в последние часы, когда стала очевидна тщетность обороны планеты. Нам пришлось забирать все, что не было прикручено к полу, и направляться к точке сбора флота за краем системы. Отставшие из других рот — Третьей, Седьмой и Девятой — также доставили все, что собрали.

Я еще мог понять материальную часть: провизию, боеприпасы, даже скот. Но беженцы? Меня тошнило от надменности идеи, будто у простых людей Соты было что-либо, достойное спасения. Судьба ордена балансировала на лезвии ножа, крепость-монастырь была утрачена, и по последним оценкам оставалось едва ли две сотни космодесантников. Чем было ценно сохранить семью мертвого мира?

Я не был нянькой, смотрителем за людьми-рабами. Я был убийцей. Палачом.

Я был Палачом.

И кроме того, оказали ли бы такое почтение любому из бесчисленных прочих миров, которые теперь несомненно падут в тени Кракена по всей Сотаре и за ее пределами? Сочли бы их обычаи, историю и традиции достойными сохранения?

Мне было трудно в это поверить.

На платформе загрузки конвейеров я остановился в почти полном мраке и поочередно заглянул в каждый из открытых ангаров, чтобы удостовериться, что действительно один. Открытое

пространство между небрежно расставленными контейнерами и погнутыми буксировочными клетями было усеяно мертвецами. Среди них было мало моих братьев-Кос, однако их кровь казалась самой яркой на тусклом покрытии...

Вспыхнули внутренние сенсоры доспеха. Со стороны ангаров правого борта приближалось несколько четких сигналов.

Я непроизвольно активировал разрывающее поле своего покрытого бронзой топора и, словно призрак, занял позицию у люка в переборке. Оружие светилось во мраке красным, словно тлеющие угли.

Я вспомнил первое убийство, которое совершил во время вторжения на ступенях Фароса. Чудовищное создание ростом в семь метров с грохотом поднималось по склонам горы к крепости-монастырю, отмахиваясь от попаданий лазпушек. Заряды тяжелых болтеров поглаживали его бронированный рогатый панцирь, словно легкий летний ветерок. Оно приближалось, прорываясь через систему обороны и с равной легкостью раздирая укрепленные огневые точки и броню боевых танков при помощи могучих и когтистых передних конечностей.

Когда громадный зверь прошел между бастионов последних врат и оказался в тени горного пика, в атаку бросился только я один, а самые отважные и блестящие воины Соты бежали с его пути. Я помню то неверие, которое вскипело внутри меня, пробиваясь через ярость и боевое сосредоточение — то, что мои братья по ордену позволяют этому чудовищу пробить передние ворота величайшей твердыни их родного мира, было...

Для меня это было абсолютно непостижимо.

Всю свою жизнь я сражался, чтобы заслужить уважение и признание тех, кого называл братьями. Я расправлялся, проливал кровь и убеждал, поднимаясь и преодолевая сопротивление иерархии, благодаря собственным достижениям и безграничной преданности.

Во мне не было крови Соты, и все же я желал умереть, защищая этот мир, в то время как остальные, возможно — нет.

Наступая без колебаний, я встретился взглядом с чудовищем-тиранидом. Оно стояло под горой Фарос и само напоминало гору — гору из плоти, костей, зубов и когтей, испытывающую вечный неутолимый голод.

Оно раскрыло клыкастые челюсти и взревело. Полностью закованное в темный кроваво-красный хитин, оно казалось самым безупречным воплощением ярости и бешенства, какое я когда-либо мог вообразить, и даже в тот миг я задумался, чему смогу научиться у этого противника. Теперь, при взгляде на мой собственный доспех, некогда бывший первоначально черным и золотисто-желтым, но впоследствии обильно запятнанный багряным, было несложно увидеть ответ.

Люк открылся, и в зал конвейерной платформы ударили яркие лучи оружейных фонарей. Внутри вошло двое моих братьев из Восьмой роты, держащие наготове цепные клинки и пистолеты. За ними следовал третий с силовым серпом.

Это были не тираниды, а воины, которых я лично выбрал из рядов скаутских отделений Левидиса — благородные Косы, обученные мной искусству войны. Они сражались под моим началом в сотне битв, мы вместе встретили ужасы Кракена и чудом ушли живыми.

Я нанес первому удар сверху. Лезвие топора рассекло правый наплечник и разорвало нагрудник. Из растерзанной груди ударил фонтан крови, запятнавший мой визор. Когда он рухнул на палубу, я уперся сапогом ему в диафрагму и выдернул топор, как раз когда его товарищ в упор выпустил

мне в бок болт. Попадание развернуло меня, однако я превратил движение в очередной смертельный удар, рубанув по шее незадачливого космодесантника и едва не снеся ему голову.

Третий воин попятился, подняв серп для защиты. Не отводя от меня глаз, он звал по воксу.

— Я его нашел! Он в помещениях загрузки конвейеров, уровень...

Я заставил его умолкнуть звериным рычанием. Оно приятно отдавалось в груди и эхом разносилось из решетки вокса. Серп приподнялся в ответ.

— Далл, это безумие. Своим предательством ты бесчестишь память родины.

— Чьей родины? — прошипел я. — Не моей.

Прежде, чем он успел произнести еще хоть слово, я прикончил его.

Брат-капитан Воск Далл, лорд-палач Кос Императора. В конечном итоге титул стал содержать в себе немало иронии.

Я отключил разрывающее поле и обтер лезвие топора ладонью перчатки. А затем впервые за несколько часов открыл свой вокс-канал.

— Я иду за тобой, Митру. Иду за всеми вами.

Я шел, а кровь Соты свободно стекала на палубу. Теперь ее ток действительно ослаб, и она была жиже холодных талых вод с гор давно позабытого Беремина.

Грэм Макнилл

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ТРОПА

Распахнув свои гроба

В пору полночи слепой,

Реет призраков гурьба

Над кладбищенской тропой[1]

На таком расстоянии от Терры Астрономикон казался всего лишь далеким светлым пятном. Восточные Окраины лежали почти на границе Света Императора — его еле-еле хватало, чтобы проложить курс корабля. За сегментированными стенками кристалфлексового пузыря, в котором расположился Толван, сияющие вихри варпа складывались в узор из неведомых оттенков и чувств, воплощенных в антисвете.

Для простых смертных — врата в безумие и повседневность — для навигатора.

Когда-то Толван бороздил волны Сегментума Солар, где Астрономикон сиял так ярко, так чисто, что он мог удерживать корабль на курсе, даже не открывая третий глаз. Новаторы Дома не раз говорили, какая это честь — получить назначение на Ультрамар, но Толван в своей нынешней должности ничего почетного не замечал.

«Шэньдао» был старым кораблем даже по меркам Империи, в котором некоторые суда, бывало, оставались в строю десятки тысяч лет. Уставший каркас его отзывался на каждый маневр стонами и скрипами. Его дух стал сварливым, его корпус покрылся микровмятинами от бесчисленных столкновений с пылью небесных ветров. Во флотах Ультрамара было много великих и благородных судов, но «Шэньдао» к их числу не относился. Он был труповозкой: огромный транспортник с сотней трюмов-склепов, криохранилища которых были забиты мертвецами.

Война с Рожденными кровью, армией демонического лорда, привела к гибели миллиардов — как гражданских, так и солдат оборонной ауксиллии и Адептус Астартес. Космические десантники упокоятся на Макрагге, тела некоторых из смертных вернуться в фамильные склепы; но гораздо больше тех, за кем никто не придет.

Этим телам уготована кладбищенская тропа на Накиллу.

Этот мир-кладбище лежал сразу за пределами Ультрамара, за едва различимой границей, разделявшей живых и мертвых. Междумирье, «ни здесь, ни там» — древнее суеверие, но время оказалось перед ним бессильно.

Хотя война закончилась, в варпе было все еще беспокойно, и Толвану приходилось всеми силами держаться за свет Астрономикона. Ярость зловещими вихрями пурпура накатывалась на отмели серой скорби, и все окутывала пелена блекло-желтой безнадежности. Толван намеренно не обращал внимания на череду плачущих лиц, возникавших и растворявшихся в пустоте. Пусть и фантомы, они все равно обладали силой.

Тонкие паучьи пальцы навигатора скользнули по латунным дисковым переключателям и реостатным рычагам его «астролябии эфемерис», отсылая поправки к курсу на мостик, капитану Матанг. Прыжок из точки Мандевиля у Калта к Накилле был относительно коротким, но все равно требовал от Толвана абсолютной концентрации. Затеряться в варпе на корабле, битком набитом трупами, — из этого получилась бы отличная страшилка, но у навигатора не было никакого желания становиться героем подобной истории.

Он медленно выдохнул, аккуратно подстраивая астролябию, и выругался, когда до его слуха донеслось шипение разгерметизации. В его личное пространство кто-то проник. В обычных условиях это считалось грубейшим вторжением, а во время варп-перехода было еще и нарушением основных протоколов безопасности.

Холодный воздух наполнил пузырь, и голая кожа Толвана покрылась мурашками, а дыхание превратилось в пар. Он услышал шаги позади себя, но не смел отвести взгляд от калейдоскопического вихря снаружи.

— Кем бы ты ни был, убирайся, — огрызнулся он. — Тебе нечего здесь делать.

— А вот тут ты ошибаешься, — сказал посторонний гулким голосом космодесантника. Толван знал, что на борту «Шэньдао» трое из Ультрадесанта, но незваный гость был не из их числа.

— Кто ты? Я не узнаю твой голос.

На его плечо опустилась тяжелая латная перчатка, и он почувствовал силу, которая могла переломить его надвое. Поверхность металла, блестящая словно ртуть под стеклом, была покрыта изморозью, словно владелец перчатки выбрался из глубин ледника.

Или из криотрюма.

— Меня зовут Хонсю, — сказал голос ему на ухо.

Мостик «Шэньдао», как и подобает кораблю, перевозившему мертвых, был выдержан преимущественно в черном цвете. Сводчатые стены — из черного железа, люмены, расположенные над рабочими местами экипажа, приглушены. Даже подсветка гололитов и планшетов была убавлена до минимума.

Длинный сюртук капитана Матанг также был черным, в этот же цвет были выкрашены ее коротко остриженные волосы. Перевязь пересекала грудь черной диагональю, и только у плеча на ней

виднелась кобальтово-синяя полоска. Кожа капитана была того пепельно-бледного оттенка, который свойственен тем, кто проводит большую часть жизни на космическом корабле.

Перелет к Накилле близился к концу, чему Матанг была рада. Похоронные рейсы «Шэньдао» проходили по удаленным маршрутам, которые прозвали кладбищенскими тропами; корабли, которые им следовали, получили прозвище «приносящие беду», и другие звездоплаватели предпочитали держаться от них подальше, не желая делить космос с мертвецами.

Матанг не винила их за это, но ей самой нравилось спокойствие кладбищенских троп. На такие корабли не отваживались нападать даже пиратские кланы, гнездившиеся внутри полых астероидов.

— Мэм? — окликнул ее старший астрогатор.

— Да, мастер Зенаб? Проблема?

— Я не уверен, — ответил Зенаб. — Наверно, ничего страшного, но я получаю от навигатора Толвана поправки к курсу, которые уведут нас от предписанного маршрута.

— Передайте на мой терминал, — приказала Матанг, откидывая инфопланшет из подлокотника своего командного трона. На экране возникли резкие помехи, которые сфокусировались в эллиптические линии, представлявшие курс «Шэньдао». Кладбищенская тропа была предсказуемым маршрутом, по которому Матанг летала уже не раз, но то, что она видела сейчас, едва ли имело смысл.

— Что еще задумал этот Толван? — проговорила она.

— Может, он решил, что нашел короткий путь? — предположил Зенаб. — Вы же его знаете.

Матанг покачала головой:

— Нет, так мы вообще не попадем на покойничью станцию Накиллы.

На мостике раздался глухой стон металла: надстройка корабля напряжением отзывалась на быструю смену направления.

— Капитан, мы поворачиваем, — сказал Зенаб. — Ложимся на курс один-три-девять, вектор тета-прайм.

Матанг сжала подлокотники трона.

— Отменить команду! Возвращаемся на прежний курс.

— Никак нет, капитан, — ответил Зенаб, просматривая список астрогационных команд. — У изменений курса стоит блокирующий префикс Нобилите. Я не могу даже выключить двигатели для экстренного выхода из варпа!

Матанг открыла канал вокс-связи с пузырем навигатора:

— Мистер Толван, потрудитесь объяснить, куда вы задумали увести мой корабль?

Аугмиттер ответил шипением и треском статики. Навигатор молчал, но Матанг слышала его дыхание.

— Мистер Толван?

— Так ты Матанг? — спросил грубый голос, напоминавший скрежет трущихся друг о друга ржавых железных балок.

— Капитан Матанг.

— Мне нет дела до всяких громких титулов.

— Кто ты такой и что ты сделал с навигатором Толваном? — спросила Матанг, жестом подзывая отряд охраны мостика — пятерых бойцов с оружием, стрелявшим снарядами с низкой начальной скоростью. Чтобы справиться с тем, что, по подозрениям капитана, затаилось на борту ее корабля, этого отряда явно не хватит.

— Я Хонсю, и твой маленький навигатор пока еще жив, — ответил голос. — Но это ненадолго, если ты не станешь слушаться.

— Можешь убить его, — сказала Матанг. — Я так часто летала этим маршрутом, что навигатор мне не нужен.

— Мы оба знаем, что ты врешь, — возразил Хонсю. — Мы в варпе, и если я убью мастера Толвана, твой корабль сгинет навсегда. Я-то здесь выживу, а вот ты и твой экипаж — нет.

— Пожалуй, я готова рискнуть.

— Может быть, — признал Хонсю. — Что ж, поживем — увидим.

— Так куда ты направил мой корабль?

— Пока что не на ваш мир-мавзолей, капитан. Придется по пути кое-куда заехать.

— Кое-куда?

— Теперь, когда М'Кар уничтожен, Ультрамар стал для меня слишком скучным.

Матанг отключила звук и обернулась к охранникам:

— Предупредите брата Анворама и его отделение. У нас на борту один из Железных Воинов.

Вокс замолчал, и Хонсю понял, что капитан как раз приказывает охране идти к пузырю навигатора. Он видел другие похоронные корабли, покидавшие Нагорск, и предположил, что на борту будет всего лишь несколько Ультрадесантников. Вероятнее всего, трое или четверо, и уж никак не больше пяти.

— Анворама тебя убьет, — пообещал съезжившийся навигатор. По лицу Толвана катились капли пота, но он все равно не отводил глаз от варп-света, струившегося по внешней поверхности купола.

— Кто такой этот Анворама? Какой-нибудь пустоголовый дрон-охранник?

— Он из Ультрадесанта.

— Я легко разделаюсь с одним из лакеев Калгара.

— Он не один, — довольно хмыкнул Толван. — С ним еще двое боевых братьев.

— Чудно, так их трое, — сказал Хонсю. — А я гадал, сколько же на корабле Ультрадесантников. Один, трое, какая разница — они все скоро умрут.

Толван застонал в ужасе, что повелся на такую элементарную уловку, и Хонсю рассмеялся. Навигатор наконец отвел взгляд от бурлящих миазмов варпа, но Хонсю сжал его бритый череп блестящей серебряной рукой.

— Пусть твой дурной третий глаз смотрит туда, куда положено, — наружу.

Навигатор попробовал сопротивляться, что было с его стороны храбро, но бессмысленно. Слабый даже для смертного, он не мог и надеяться на то, чтобы высвободиться из этого захвата.

Брат Мидон занял левый фланг, брат Силосон — правый; Анворама же стоял прямо перед угловым входом в кабину навигатора. Все отделения ордена по очереди обеспечивали сопровождение павших на Накиллу, но никому не нравилась эта обязанность — не в то время, когда в самом Ультрамаре еще оставались враги.

Сейчас один из этих врагов был обнаружен, и у Анворама появился шанс нанести ответный удар.

Он сражался в битве у Четырех долин и пролил немало крови предателей, но теперь перед ним была возможность убить самого Хонсю, погибель Тарсис Ультра и истребителя Ультрадесантников.

Милодон установил на дверь подрывной заряд. Не важно, заперта дверь или нет, — взрыв даст им несколько ценных секунд преимущества, за которые можно будет нейтрализовать Железного Воина. Анворама не стал обещать капитану, что Толван уцелеет, но Матанг была уверена, что сможет взломать коды Нобилите, не дававшие ей управлять варп-двигателями. В этом случае выживание навигатора не было критичным.

Анворама поднял три пальца. Один. Два.

Затем он сжал кулак.

Подрывной заряд взорвался с глухим звуком, и дверь отлетела вовнутрь узкой кабины. Тесный коридор наполнился фугелиновым дымом, и сработала система пожаротушения. Поглощающие кислород газы повалили из труб на потолке пышными клубами.

Силосон резко развернулся и быстро нажал на спусковой крючок два раза подряд, так что кабину накрыл конус разлетающихся металлических осколков. Обычные болтерные снаряды уничтожили бы кристалфлексовый купол, так что Силосон зарядил свое оружие снарядами «Буря».

Потом Милодон, двигаясь пригнувшись, болтер плотно прижат к плечу — классическая штурмовая позиция, — рванул в дверной проем.

И налетел на непробиваемую стену брони.

Железный Воин стоял к ним спиной, несколько не обеспокоенный градом докрасна раскаленных осколков, которые теперь застряли в его доспехе. Удар локтем наотмашь попал в лицевую пластину Милодона и отбросил воина назад, переломив ему шею.

Затем Хонсю развернулся и выставил перед собой Толвана. Силосон уже приготовился стрелять, но окаменел, посмотрев прямо в открытый третий глаз навигатора. До Анворама донесся сдавленный крик, полный ужаса: его товарищ заглянул в самые глубины бездны, скрывавшейся в глазе Толвана.

Хонсю отбросил Толвана в сторону и ринулся на оставшегося Ультрадесантника, выставив перед собой серебристую металлическую руку. Анворама напряг отставленную в стойке ногу и выпустил по Железному Воину три снаряда.

Первые два попали противнику в поднятую руку, третий угодил в побитый горжет. Хонсю пошатнулся, но невероятным образом не остановился. Рука его должна была уже превратиться в кровоточащий обрубок с фрагментами мяса и костей, но за мгновение до того, как Железный Воин врезался в него, Анворама увидел, что конечность совершенно не пострадала.

Космодесантники столкнулись с грохотом, напоминавшим стук кувалды по стали. Кулак Хонсю впечатался в шлем Анворама, но воин отклонился по траектории атаки и ответил ударом болтерного приклада, направленным в аугметический череп противника.

Металл ударился о металл, и Анвораму удалось заблокировать еще одну серию жестоких атак. Расстояние было слишком маленьким для огнестрельного оружия, и он ударил кулаком в лицо Хонсю. Кровь брызнула на стены, а они продолжали метаться в яростной рукопашной между стен узкого дымного коридора, ища слабое место в обороне друг друга.

Ультрадесантник захватил рукой руку противника и с яростным ревом практически поднял Хонсю над палубой, а затем, отбросив к противоположной переборке, с нокаутирующей силой ударил противника головой в переносицу.

Хрустнули и металл, и кость, но Хонсю с презрительной усмешкой плюнул кровью в лицо противнику и прошипел:

— Слабо бьешь.

— Контакт! — закричал Зенаб. — Есть неопознанный контакт.

— Пеленг? — потребовала Матанг, широкими шагами пересекая расстояние от командного трона до астрогаторского стола.

— Прямо по курсу, быстро приближается.

— Что это?

— Неизвестно.

— Кто-то из наших?

— Неизвестно.

— Проклятье, так выясни же!

Хонсю ударил коленом в бок противника, затем, сверху вниз, локтем, и Анворам, чей доспех треснул от удара, пошатнулся. Нырнув на другую сторону коридора, Хонсю дотянулся до оружия первого Ультрадесантника, которого убил, и выпустил из подобранный болтера очередь из трех выстрелов.

Все три попали в стены.

Не успел он оправиться от удивления от того, что промахнулся, как увидел, что Анворам, окутанный клубами пламегасящего газа, держит его на прицеле.

— Ты быстрый, — сказал Ультрадесантник. — Но я быстрее.

Но нажать на спусковой крючок он не успел: «Шэньдао» содрогнулся от жестокого удара. Взревели сирены, аварийное освещение затопило коридор красным светом. Палуба накренилась почти под сорок пять градусов.

И Хонсю, и Анворама отбросило на стену, но Железный Воин пришел в себя первым. Прицелился — и сделал один выстрел точно в правый окуляр Анворама.

Воин грузно завалился назад и сполз по наклонившейся стене, оставляя на ней след из кусочков мозгового вещества. Хонсю выдохнул, сплюнул скопившуюся во рту кровь, и тут «Шэньдао» содрогнулся во второй раз.

Взяв у одного из мертвых Ультрадесантников цепной меч и собрав оставшиеся болтерные обоймы, Хонсю перекинул через плечо бесчувственное тело навигатора и направился к ближайшему воздушному шлюзу.

— А ты не торопился, — сказал Тет Дассандра, когда перед смотровым экраном «Поколения войны» проплыл ободранный и охваченный огнем корпус «Шэньдао». — Еще месяц, и я бы повернул обратно к Мальстриму.

— Тебе бы духу не хватило.

— Не обманывай себя, — у Дассандры, как обычно, был готов дерзкий ответ.

В последний раз они виделись перед тем, как Хонсю повел атаку в недра Калта. Именно тогда он приказал Дассандре выбираться с планеты и уводить «Поколение войны» к границе Ультрамара. Позже, когда Хонсю вырвался из подземных аркологий, однократный сигнальный импульс на определенной частоте, исходивший с Ультимуса Прайм, сообщил Дассандре название нужного корабля.

Остальное зависело только от Хонсю.

— Кто это? — спросил Дассандра.

— Навигатор. Я решил, что он еще пригодится.

— Тогда лучше натянем на него колпак, пока он не пришел в себя.

Кивнув, Хонсю передал Толвана, все еще бывшего без сознания, одному из треллов и вдохнул едкий, отдающий металлом воздух стратегиума.

Здесь пахло горячим железом, отработанным маслом, отвратительными химикалиями Механикум, оставшимися еще от Цицерина, — эти пузырящиеся жидкости смерти поддерживали в рабочем состоянии чудовищных сервиторов-гибридов.

Он улыбнулся, когда Дассандра спросил:

— Итак, куда теперь? И не говори, что мы здесь задержимся.

— О нет, — ответил Хонсю. — С меня хватит Ультрамара.

— Но ведь он так и не был побежден? — усмехнулся Дассандра.

— Нет, но ведь мы на это и не рассчитывали.

— Тогда зачем мы вообще сунулись сюда?

— Чтобы показать, на что мы способны, — сказал Хонсю. — Мы унизили родину Уриэля Вентриса, практически поставили ее на колени, а это больше, чем удавалось кому-либо.

— И что дальше?

«Действительно, что же?»

«Поколение войны» принадлежал Хонсю, и он по-прежнему был капитаном корабля. У него была команда и ресурсы, чтобы отправиться куда он пожелает. Если с Ультрамаром покончено, то остается только одно место, которое стоит навестить.

— Медренгард, — сказал Хонсю. — Мы возвращаемся на Медренгард.

— Но зачем?

— Потому что я хочу встретиться с Железным Владыкой. Я хочу увидеть Пертурабо.

Джон Френч

КОРОЛЬ ПЕПЛА

Кто-то зовет меня. Я чувствую, как его голос возвращает меня к яви. Сколько времени прошло? Меня окружает холодный мрак, который не нарушает ни биение сердца, ни шипение дыхания. Сколько я спал? Почему я ничего не вижу? Я пытаюсь оглядеться, но повернуться негде, черноту не нарушает никакой свет. Я мог бы падать. Мог бы раз за разом переворачиваться, не сознавая этого.

Кто я? Вопрос отдается эхом и теряется в безмолвии.

Что я?

А затем я вспоминаю. Вспоминаю, чем я был, и первый раз, когда бросил взгляд на то, чем стану.

Я помню золото. Золотую паутину сияющих нитей, тянущихся сквозь черноту в бесконечность. Нити дробились и разделялись, пересекались и объединялись, раз за разом рассекая пустоту на острые осколки. Я кружился в паутине. Мое тело в мгновение ока меняло форму: серебряный ястреб, круг пламени, лунный серп. За мной плясали радужные искры, а золотая паутина пела, когда я двигался мимо. Мне было весело. Я уже много раз совершал это странствие во снах до того момента, однако тогда я впервые нырнул в Великий Океан по собственной воле. Казалось, будто я вырвался на воздух после того, как тонул. Будто я вернулся домой. Я летел, мои мысли стремились сквозь время и пространство, моя воля хватала реальности и переделывала их. Это было так легко — будто ничто, но на самом деле всё.

И тогда ко мне явились они.

Прежде чем увидеть, я их почувствовал. Их каркающие голоса напоминали треск льда. Золотая паутина превратилась в трещины на обсидиановой равнине, я упал и ударился о черное стекло. Мое тело приобрело облик человека с мощными мускулами и черными волосами. Я встал и обратил свой единственный глаз к теням, что ползли над землей. На меня накатывался холод. Я чувствовал вкус горячей и пряной крови. Идею моей кожи обдувал смех...

Ничто из того, что я видел или чувствовал, не было физически реальным — все это являлось лишь метафорой, игрой теней на завесе эфира. Однако злые сны в силах обжигать сильнее, чем подлинный огонь.

Из тьмы выступил волк. Его шерсть слиплась от крови, капельки которой повисли на зубах. Шрамы покрывали морду и змеились между глаз цвета расплавленной меди. Эти глаза не отрывались от моего, пока зверь шагал вперед. Из раскрытой пасти исходило тяжелое дыхание, и я ощущал в каждом выдохе ярость и голод. Он начал обходить меня по кругу. Мне казалось, я слышу в стуке когтей смех.

+Что ты такое?+, — спросил я. Волк зарычал, его челюсти быстрее молнии дернулись вперед и назад. Я почувствовал, как кончики зубов коснулись кожи на моем лице. При соприкосновении внутри меня вспыхнула боль. Обсидиан у меня под ногами раскололся, и я провалился сквозь него в небытие вниз.

Волк был повсюду вокруг, он кружился, словно ураганный ветер. Я надавил на него всей своей мощью, но буря поглотила мои силы. Меня окружала его горячая и красная ненависть, зубы рвали меня, однако я чувствовал, что он щадит меня, сдерживая себя. Я не боялся. Мне всегда было известно, что в Великом Океане есть создания, которые, как и я, считают его своим домом.

Древние сущности, образованные затерявшимися мыслями и переплетающимися грезами, опасные и жестокие. Всегда казалось, что они не обращают на меня внимания. До того момента.

Я врезался в очередную стеклянную равнину и поднялся на ноги. Идею моей кожи заливала эфирная кровь. Волк снова ходил вокруг, однако он был не один. За ним стояли еще три фигуры. По черному стеклу скользила свернувшаяся змея, чешуйки которой меняли цвет при каждом растяжении и сжатии тела. В любом ее движении было нечто мягкое и омерзительное, словно вкус рвоты обрел форму. Змея вскинула голову, и на меня взглянуло человеческое лицо, черты которого были безупречны во всех отношениях. Встретив его взгляд, я понял, что оно видело все, что я когда-либо скрывал от кого-то или чего-то. Оно облизнуло губы, и за улыбающимся лицом сверкнул чешуйчатый капюшон. Позади парила тварь, похожая на разложившегося мотылька с белыми от катаракт глазами дохлой рыбы. Брюшко содрогалось, вздуваясь и сжимаясь, при каждым вздохе с треском выбрасывая слизь. Вдалеке была еще одна фигура — неразличимая, однако я был уверен, что она стоит ко мне спиной. Волк начал кружить ближе, следом за ним скользила змея.

+Я знаю, что происходит+, — произнес я со смехом в мысленном голосе. Даже сейчас, после всего того, что случилось и чем я стал, я все равно содрогаюсь от глупости тех слов. +Мне известно, что вы такое+.

Волк остановился. Я увидел, как свалывшаяся от крови шерсть у него на спине поднимается зазубренными шипами. Змея рассмеялась, а мотылек зажужжал крыльями. Я не ответил. Я был уверен, так уверен, что понял.

+Кровавый волк, воплощающий собой разрушение изнутри. Змея — соблазн свернуть в сторону. Могильный призрак, боязнь неудачи. Вы — мои слабости, которые явились утянуть меня обратно во тьму. Искатель истины должен встретиться с вами всеми, чтобы вознестись, но вы лишь мысли, и я вас не боюсь+.

— Этого ты ищешь? — раздался голос. Он был тихим, но дрожал от прочих звуков, как будто его сшили воедино из множества голосов. Волк замер, змея зашипела, однако не пошевелилась. Гниющий мотылек с гудением попятился. Сгорбленное существо на краю круга обернулось и посмотрело на меня. У него были головы орла, ворона и грифа, расположенные одна над другой. Глаза пылали синевой газового пламени. — Ты здесь ради истины? — оно сделало паузу, смакуя следующее слово. — Магнус.

От его слов я похолодел. Существо не должно было знать моего имени. Не должно было знать меня.

— О, ну как же мне не знать тебя, сын мой? — произнесло оно.

+Нет+, — сказал я. — +Ты не мой отец+.

Четверо созданий засмеялись, треща костями и шурша крыльями. Их тени разрастались, подползая ко мне. Их голод окружал меня со всех сторон, напирая на мой разум, словно бурлящие волны. А затем внезапно — так внезапно, что их отсутствие ошеломило меня холодом — они пропали. Я остался в одиночестве, и вокруг была лишь тишина.

Куда они ушли? Почему ушли? Ответ пришел прямо из безмолвия. Они сбежали. А это означало, что тишина была ложью.

Я был не один.

И тогда я почувствовал: присутствие в пустоте, колоссальное и столь яркое, что я не мог его разглядеть.

+Зачем ты здесь?+, — спросил я. Пришедший ответ эхом разнесся по моему естеству.

+Я искал тебя+, — произнесло оно, — +сын мой+.

Я открываю идею своего рта, чтобы ответить, но воспоминание сгнуло, и я снова падаю, пытаюсь вспомнить, ответил ли я, или же в тот миг впервые испугался.

Воспоминание сгнуло, но подарило мне часть меня.

Я — сын.

Сын...

Я помню землю. Земля была красной, ветер взметал ее сухими лентами. Он стоял передо мной в доспехе, покрытом пылью и следами огня. Рядом с ним стояли его братья: склонивший голову Амон, Тольбек с пустым от шока лицом, и прочие. Мои сыновья. Мои непокорные сыновья. Мои дети-убийцы. Такие умные, такие одаренные и такие слепые.

Ариман посмотрел на меня. Он знал, что совершил. Я видел, как истина окружает его, словно ореол черного дыма вокруг пламени. Он не подчинился мне, воспользовался огнем богов, чтобы переделать настоящее, и потерпел неудачу.

Я повернулся и взглянул на то, во что мой сын превратил мой Легион. Тысячи пустых глаз взирали на меня со шлемов неподвижных доспехов. Я видел внутри каждого из них заключенную душу, удерживаемую, словно дым в бутылке. Тонущую в небытии, мертвую, но еще не исчезнувшую.

Ярость. Даже сейчас я содрогаюсь при воспоминании. Наша злоба — это не злоба смертных. Это молния, которая сокрушает высокую башню — удар молота, сотрясающий небеса.

Я вновь обратил взор на Аримана, на моего сына, лучшего из моих сыновей. Мы говорили, но в словах не было смысла. Мог быть лишь один ответ на то, что он сделал.

+Изгнание+, — произнес я, и слово изменило мир. Ариман исчез.

Моего сына больше нет. Я остаюсь. Падаю. Это он зовет меня, обратно в мир грязи и плоти. Я вижу его лицо, падая из колыбели богов. Было ли это воспоминание о былом, или же грядущее? Есть ли разница?

Я — не то, чем был раньше. Даже не толика того, чем был.

Я — сломленный сын ложного бога.

Я — прах.

Я — время, разлетающееся из горсти и раздуваемое ветром судьбы.

Я — шепот мертвых, вечно сходящих в могилу.

Я — король всего, что вижу.

Я открываю свой глаз. Реальность кричит вокруг меня, устремляясь вперед и опадая обратно. Время окружает меня, дробя на части и собирая. Когда-то я счел бы подобное могуществом, однако это не так. Это тюрьма.

В буре есть очертания: лица, башни и пыльные равнины. Возможности, которые ждут, пока их увидят, пока воплотят в реальность. Я могу принять решение сделать их реальными, или же заставить угаснуть. Могу скользнуть обратно в темный шелк грез, которые могут быть не грезами. Я решаю позволить им стать настоящими. Мой трон создает сам себя из теней. Над и подо мной застывают и твердеют бурлящее небо и сухая красная равнина. У меня до сих пор нет облика,

лишь неровная линия золотого света, зависшая над тронном, подобно застывшей молнии. Затем землю подо мной раскалывает башня, которая подбрасывает меня в воздух. Я поднимаюсь, и в поле зрения, мерцая, возникают другие башни — огромный лес из обсидиана, серебра и меди. Я смотрю и вижу сквозь покровы материи, вижу сплетение и течение эфира внутри. С момента, когда я занимал свой трон, прошло много времени — за такую эпоху могут погибнуть и забыться империи. Впрочем, для смертных существ, обитающих в башнях, я отсутствовал не дольше цикла одного из девяти солнц планеты.

Меня ожидают мои оставшиеся сыновья. Они преклоняют колени, шлемы с высокими плюмажами склоняются, а шелковые одеяния шуршат на ветру. Каждый из них видит меня по-своему. Мне известно об этом, хотя я и не знаю, что они видят — это прозрение мне недоступно. Возможно, они видят меня таким, каким я был в бытность наполовину смертным: с медной кожей, красной гривой и венцом из рогов. Возможно, они видят лишь тень, которая падает на трон, словно отбрасываемая мерцающим огнем. Возможно, видят нечто иное.

Кнекку первым поднимает голову, и в его мыслях начинают складываться вопросы. Какова моя воля?

+Изгнанники возвращаются+, — передаю я. Я чувствую их потрясение, злобу и надежду. — +Он возвращается, и с ним грядет война+.

Энди Смайли

НЕСОВЕРШЕННЫЙ ФИНАЛ

Я опускаюсь на колени, пока капеллан умирает. Кровь, густая и насыщенно-красная, течет из глазниц его шлема. Шлем вычурно красив, инкрустирован именами тех, кто погиб в нем в прошлом, и исписан катехизисами, преисполненными едва ли не драматичности. Шлем-череп. Лик смерти, призванный страхом подчинять живых и быть последним, что увидят перед смертью враги его обладателя. Я жду, пока тело капеллана не перестанет подергиваться, и вынимаю палец из его лба. На зазубренных краях остаются кусочки мозга. Я слизываю их, наслаждаясь резким вкусом боли, когда врезанные в плоть шипы царапают мой змеиный язык.

— Прискорбно, Кровавый Ангел, что тебе не дано осознать поэтичность собственной смерти, — говорю я шлему, когда по его гладкой поверхности стекают две последние капли крови. — Впрочем, я не удивлен, ведь у меня самого ушла вся жизнь, чтобы достойно подготовиться к своей.

Мой путь к истине был долог. Со дня, как я и мои братья освободились от поводка Императора, я верил, что лишь Его плоть способна меня утолить. Что лишь когда я омоюсь Его останками, лишь когда я утолю жажду Его восхитительной кровью, мои искания закончатся. Как долго я верил, что только Император может умереть совершенной смертью. Что только отняв жизнь у Него, смогу я вознестись к своему господину.

И эта ужасная ошибка направляла мои действия столетиями.

Мне достаточно вспомнить о том, как я заблуждался, чтобы оказаться в тисках ярости. Ошибка определяла все, что я делал, поглощала каждое мгновение моей жизни. Сожаление. Я наделен великим даром — способностью его испытывать. Немногие из моих братьев могут сказать про себя то же самое. Истинная горечь обычно приходит к нам в последнее наше мгновенье. Я же абсолютно здоров.

Я с ритуальной осторожностью вырезаю основное сердце из груди капеллана. Разделив орган надвое, я насаживаю одну половину на единственный еще пустой шип из тех, что усеивают мой пояс — на коготь, вырванный из лапы кхорнатской гончей. Вторую часть я поднимаю к небу и

сжимаю. Она лопаётся в руке точно так же, как лопались до нее тысячи других. Гибельный ветер спустя мгновение уносит кровь в небо, к моему господину. И я могу лишь воспевать его величие за то, что именно здесь, на этом непримечательном сионе, под ошеломляющей амальгамой звука и света, которая служит небом этому проклятому миру, я наконец обретаю ясность.

Я поднимаюсь и иду к башне.

Мои шаги заставляют одного из пяти Кровавых Ангелов, чьи рассеченные надвое останки лежат вокруг, зарычать. Я упиваюсь этим звуком, этим отчаянным хрипом черного капеллановского пса, пытающегося подтащить ко мне свое туловище. Рота Смерти. Я расплываюсь в ухмылке, проговаривая слова безгубым ртом. Обезумевший Кровавый Ангел имеет над смертью не больше власти, чем те бесчисленные миллионы, которых мои армии стерли с лица галактики. Я становлюсь так, чтобы оказаться за самым пределом его досягаемости. Он рычит, впивается пальцами в красную землю и тянется к моему ботинку.

Возможно, я даже инициатов своего братства не стал бы карать смертью, прими они рык Кровавого Ангела за выражение гнева, гордости и непокорности. Но сам я всегда узнаю отчаяние.

Рев Кровавого Ангела не похож на болезненный вопль эльдар или жалкое хныканье человека, но в нем звучит отчаяние — я знаю это так же точно, как то, что плоть моя бела, словно кость. Воин из Роты Смерти хочет убить, но не может. Он страдает, он сломлен, он лишен цели. Я чувствую, как его пальцы касаются моего ботинка, и улыбаюсь, отходя подальше. Мой меч повергал орочьих военачальников, древних некронтир и могущественных биоорганизмов тиранидов. Но сейчас я его мारать не буду — не в этот поздний час.

Башня лежит в руинах. От когда-то великой демонической крепости остались одни развалины, и камень их, изготовленный из высушенной на солнце крови, осыпается и сочится раскаленным гноем из змеящихся трещин-ран, которые нанесло оружие моих братьев. Артериальная магма стекает к проклятой земле этого мира, согревая плиты под ногами. Я преодолеваю по одной ступени за раз — жаждая совершить свое последнее убийство, но не видя смысла торопиться.

Добравшись до парапета, я взираю на резню, идущую вниз. Она величественна, смерть и отчаяние многократно сплетаются в ней воедино. В ветре нет надежды — лишь сладострастный голод убийц и паническая агония умирающих. А я, окутанный кровавым сиянием битвы, подобно богу наблюдаю за своими последователями, разворачивающими декорации для моего последнего убийства и завершающими дело всей моей жизни.

Я заблуждался раньше. Для несовершенной смерти требуется многое, но в первую очередь для нее требуется совершенная жертва — существо, идеальное в своем величии, — и совершенный убийца, мечник исключительного мастерства. Но что еще важнее, для нее требуется, чтобы эти двое были одним целым, чтобы и убийство, и смерть были испытаны вместе, чтобы действие и ответ на него слились в один грандиозный акт.

И потому я, Ашеш Кушаль Сиддхран, Принц удовольствий Слаанеш, собираюсь умереть от собственной руки. Я испытаю сладость своей плоти и остановлю биение своих замороженных сердец.

Я вынимаю свой меч, Г'аферн, из ножен. Это Клинок перемен, один из всего лишь девяти когда-либо созданных. Его выковали в пылающем огне варпа, и он никогда не принимает один и тот же облик и не имеет один и тот же баланс дважды. Но совершенен он всегда. Демон, заточенный в оружии, ликует, и его восторг дрожью отдается в рукоять, когда я ее сжимаю. Г'аферн прекрасно понимает, чью плоть сейчас отведаст, и жадно это предвкушает. Не может для него быть большего счастья, чем убить меня — того, кто уничтожил его смертное тело и поработил его

сущность. Я улыбаюсь. Именно так и должно быть. Совершенная смерть, что ждет меня, требует лишь самой безупречной поэтики.

Я поворачиваю клинок Г'аферна на свету, который стекает в этот мир с шести солнц, выстраивающихся в одну линию. Нити синего, красного и зеленого переливаются на мече, рассекая свет на основные цвета. Удовлетворившись, я меняю хват, беру меч обеими руками и подхожу к краю парапетной стены. Ветер треплет мой плащ, заставляя эльдарскую кожу развеиваться за спиной, как знамя, и сдувает с лица длинные пряди золотых волос. Сражение подо мной, как я и запланировал, уже придвигается к подножию башни. Мое тело не останется тлеть, как какой-нибудь бог-труп или забытый памятник. Меня разорвет, уничтожит в прекрасном побоище внизу. Я приставляю кончик Г'аферна к груди и встречаюсь взглядом с десятком глаз, взирающих на меня с предплечий. Когда-то вырванные из врагов и пришитые к рукам, они теперь распахиваются и моргают в ликующем ужасе.

— Да, — говорю я им. — Сейчас.

Я погружаю в себя меч и ощущаю, как он легко проходит между двумя сердцами. Теплая, обволакивающая боль прогоняет все мысли. Я слышу, как Г'аферн смеется, расширяясь внутри меня и рассекая оба органа одновременно. Кровь моя, черная, как пустота, проливается на каменные плиты. Я лечу вниз. Рев битвы овациями поднимается мне навстречу.

Я падаю. Я падаю во тьму.

Чернота забытья совсем не похожа на непроницаемую пелену, которую я себе представлял. Это лес теней, что отступает передо мной, становится тем реже и светлее, чем глубже я направляю в него сознание. Я прохожу вперед и останавливаюсь. Странно, но я осознаю, что двигаюсь, не чувствуя при этом собственных шагов. Делаю еще один шаг. По-прежнему ничего. Возможно, это нормально. Возможно, мне только предстоит освоить новое тело, дарованное господином. Еще два шага, один за другим. Я двигаюсь медленнее, чем привык. Мне кажется, что я стал тяжелее, неповоротливее. Внутри вспыхивает искра раздражения, но я заставляю мысли направиться в другое русло, не желая, чтобы недовольство омрачило величественный момент моего перерождения. Замерев на мгновение, я представляю убийства, которые меня ждут, души, которые я отниму, истерзанную плоть, которая украсит мое новое тело. Погрузившись в восторженные мечты и страстные ожидания, я оказываюсь застигнут врасплох, когда передо мной вырисовывается чей-то силуэт.

— Вы очнулись, «повелитель».

Я хочу ответить, но удивление лишает речи. Тай'лон, мой кузнец плоти, стоит передо мной, и заклепки его брони все еще покрыты красной землей.

— Ваши ранения были тяжелы, и, должен признать, одного моего мастерства оказалось бы недостаточно, чтобы вас спасти.

Что странное звучит в его голосе, что-то...

Потом я замечаю остальных: аптекаря Нарсуна и колдуна Ильмиира. Их лица искажены весельем, сулящим мне проклятье. А в отражении полированной стальной стены за их спинами я вижу себя.

— Вы! — реву я, но голос, что звучит в этот момент, принадлежит не мне. Это какофония из механического шума, наипримитивнейшее подобие речи. Я в ярости бросаюсь вперед, охваченный стремлением убить их. Силовое поле вспыхивает алым и рассыпает искры, когда я врезаюсь в него. Содрогаюсь от потрясения, я бью по нему — один раз, второй. По барьеру

расходятся волны, но он держится и словно насмехается надо мной, такой прекрасный в простоте своих энергий.

— Что вы наделали? Вы смеете лишать меня заслуженной смерти?

— Ты всегда искал удовольствие только в самых банальных вещах. Не страдай по тому, что мы у тебя отняли. Ибо мы даем тебе куда больше, — губы Тай'лона изгибаются в жестокой улыбке. — Скоро ты испытаешь совершенно новое ощущение. Ощущение, до сих пор не знакомое ни одному из нас... — он поворачивается и указывает на верстак позади себя. — Ужас.

— Г'аферн, — невольно срывается имя оружия с того, что осталось от моих губ.

Он лежит на верстаке, расколотый на части, и руны на клинке больше не светятся. Ильмиир прослеживает за моим взглядом.

— Да, — в золотых глазах колдуна вспыхивает злоба. — Мы ни за что не отняли бы у тебя твоё сокровище.

А затем появляется звук — скрежет металла, резкий шепот, терзающий сознание.

— Нет! — кричу я. — Нет!

Трое моих командующих поворачиваются ко мне спиной и выходят из помещения, выключая люминаторы и оставляя меня во тьме наедине с демоном. Я чувствую, как он улыбается.

Разум терзает и жжет все сильнее. Меня охватывает паника, мысли мечутся в голове, сознание начинает распадаться. Я вздрагиваю от отвращения, когда демон смеется и проползает сквозь трещины в моей душе. Он показывает мне, каков будет мой финал.

Дело всей моей жизни пропадет. Я умру несовершеннейшей из смертей. Превратившись в полоумное ничтожество, попав в плен сломленного разума, я не почувствую медленную агонию, когда источник питания начнет угасать. И даже безумную муку сжигаемой дочерна плоти, что ждала бы меня после того, как разрушится эта адамантиевая тюрьма, мне не познать.

Но, каким бы странным это ни казалось, последняя моя здравая мысль радостна. Ведь за мгновение до того, как потерять разум, я хотя бы ощутил всепоглощающую боль ужаса.

Бен Каунтер

КОНЕЦ НОЧИ

— Те, кто говорит, что в галактике не осталось красоты, — сказал Мемногон, — пусть посмотрят на это.

Протянувшееся за обрывом пространство ошеломляло своим безумием. Поверхность представляла собой покрытое лабиринтом кривых трещин чёрное стекло. В эти трещины изливались едкие водопады отходов, питающие токсичные подземные океаны. От пробившихся сквозь поверхность огромных машин вздымался пар. Островки черного стекла поднимались поршнями и шестеренками в такт биению сердца-машины, что оживляло этот мир. Небо бурлило цветом ржавчины.

У подножия гигантских машин, среди вращающихся маховиков и спиралей медных пружин толпились слабоумные маньяки. Их привели сюда видения и кошмары, и они бросались в работающие механизмы, смазывая их своей кровью в безумном поклонении господину, что послал им зов. Их перемолотые тела окрасили струйки машинного пара в розовый цвет.

Мемногон из Повелителей Ночи повернулся к своему отряду, что следовал за ним по склону стеклянных гор. Он вёл их сквозь варп-шторм, через миры такие же безумные, как этот, если не более. Он всегда был в поисках великих побед, чтобы доказать ценность своей банды в глазах сил варпа.

— Братья, — сказал он, — это Латунная Колыбель. Здесь царствует князь Ктул, и здесь он будет уничтожен.

— Что ж, давайте тогда в должной мере насладимся видом, — сказал Хэлкаст, чей юмор был мрачным даже накануне победы. — Ведь убить нужно повелителя демонов.

Хэлкаст был старейшим из дюжины Повелителей Ночи в банде Мемногона. Его тёмно-синий доспех почти полностью был покрыт ракушечными наростами — разраставшимися в варпе миниатюрными созданиями, что питались его злобой и ненавистью.

— Я видел это во сне, — сухим, дребезжащим голосом сказал Фалкром. Его броня была покрыта обрывками пергамента, которые постоянно тлели от силы молитвы, что была написана на нём. — Ктул погибнет, как континент, тонущий в океане. В огне и крови. Я видел это.

— Я привёл вас сюда, потому что искал великий трофей, — сказал Мемногон. — Я пролил собственную кровь чтобы оракулы просветили меня, и они рассказали о повелителе демонов в теле из меди и стали. Братья мои, мы всегда стремились принять самые достойные вызовы, что может бросить нам варп. Мы победим, как и прежде!

— Однажды, — сказал Дратикс, — мы склонились перед Золотым Троном. Мы подчинялись ему. Мы отрицали своё естество. — Дратикс был гладиатором, исследователем кровавой резни. Он был вооружен парой древних молниевых когтей, носить которые мог только тот, кто изучал их столетиями.

— Но мы порвали свои цепи, мы выбрали свободу. И величайшая свобода — это выступить против варпа и победить его. Это и есть триумф Хаоса! Свобода и слава!

— Свобода и слава! — прокричали Повелители Ночи, подняв над головой цепные мечи и болтеры. Они салютовали Хаосу и Мемногону.

— Вместе, наши клинки победят Ктула, — заявил Мемногон, — и весь варп должен узнать это!

Ненависть почти сожгла Мемногона изнутри. Она вспылала, когда легион был отлучён, изгнан Императором, которому Повелители Ночи посвятили себя. Или же сами Повелители Ночи отвернулись от Императора? Ненависть так повредила его память, что подробности были утеряны.

Но ненависть не завладела им. Он нашел группу Повелителей Ночи, что пытались потушить тот же пожар внутри. Вместе они узнали своё предназначение. Победа охлаждала их огонь и делала его терпимее. Победа над величайшими противниками, что они могли найти. Только тогда он может быть достойным славы варпа. Только в момент победы, и никогда больше, человек может быть по-настоящему свободным.

Тело Мемногона горело в предвкушении этого момента, и вот он уже бежит по стеклянному склону прямо к трону князя Ктула. Необъятное машинное сердце планеты взорвалось потоком медных внутренностей. Ревущие поршни ударили в землю, выбрасывая шторм зазубренных обломков, застучавших по броне Мемногона. На вершине холма возвышался огромный трон из бронзы и стали, на котором восседало массивное драконоподобное существо. Как и мир под его ногами, этот кошмар состоял из механизмов и демонических огней, бурлящих между сияющими

от жара пластинами брони. Его длинная и клыкастая голова с рядами золотистых глаз-линз, встроенных в железный череп, была окутана клубами пара.

— Ты не ищешь аудиенции, — прорычал металлический голос, — ибо те, кто ищет предстают предо мной бредящими оборванцами, приведенными сюда сновидениями. И ты не предлагаешь свою верность, ибо не склоняешься предо мной в ужасе и почтении. Это наводит на мысли, что ты пришел свергнуть меня и занять мой трон.

Ненависть Мемногона была слишком сильна, чтобы её можно было выразить. Раньше он пытался выпустить её, изрыгая молитвы варпу или выкрикивая изобличения в лицо врагам, но теперь он знал, что только победа принесет облегчение. Он поднял свою булаву, и на её силовом поле начала тлеть кровь. Кровь никогда не высыхала, как вечное напоминание о каждой победе.

— Я Мемногон из Повелителей Ночи, — борясь со своим голосом, проговорил он, — а это братья из моего отряда, скитающиеся по варпу. Мы забираем головы только самых достойных врагов, и этим мы почтим тебя, князь Ктул.

Ктул соскользнул со своего трона, его передние конечности обратились клинками горячей стали. По поверхности забил шарнирный хвост, когда его туша с грохотом коснулась стеклянного склона. Он встал на дыбы перед Мемногоном и сузил свои глазные линзы.

— Что ж, бросим в погребальный костёр ещё один череп, — прорычал Ктул, и бросился в атаку.

Огромная клешня раздробила поверхность там, где долю секунды назад стоял Мемногон. Ктул взревел в гневе, и из сочленений его тела вырвался пар.

— Я пришёл свергать тебя не в одиночку, — закричал Повелитель Ночи, прострелив демону глаз из которого повалил желтый дым. — Ты встретишься с клинками моих братьев, и вместе мы повергнем тебя!

Мемногон странствовал со своей бандой по галактике в течение веков, как сквозь варп, так и по реальным мирам. Ранние дни стерлись из его памяти, но последние года проносились парадом побед. Все его братья работали как одно целое, чтобы победить врагов, которых никто из них не смог бы побить в одиночку. Он знал все их силы и слабости, знал, как они будут действовать в следующую секунду. Они создадут цепочки причин и следствий, которые приведут к победе, неизбежной, как сам варп.

Первый поток болтерного огня должен ослепить демона, тогда на него набросятся Повелители Ночи, своими цепными мечами и силовыми палицами ломая сочленения его ног, чтобы он упал на землю. Затем они расчленят его кусок за куском, пока на битом стекле не будет лежать лишь куча обломков.

Мемногон обрушил огонь на морду демона, ожидая залп своих братьев, что разрушит оставшиеся глаза. Но стрельбы не последовало. Ни один Повелитель Ночи не бросился в атаку вместе с ним. Мемногон оглянулся назад, рискнув на миг отвести глаза от противника. У основания склона выстроилась его банда и наблюдала за происходящим. Никто из них не поднял оружия, никто не двинулся на помощь своему лидеру.

Шок от увиденного вызвал почти такой же холод и боль, как клинок, что вошел ему в спину и вышел сбоку из живота. Мемногон схватил конец клинка и обломил его, давая себе возможность соскользнуть с него, несмотря на терзающую его боль. Он закрыл боль, приказав умолкнуть своей слабой человеческой части мозга. Мемногон повернулся, но одна нога не слушалась его. Он упал на одно колено, когда Ктул атаковал снова. На этот раз лезвия его клешни разрубили его до пояса, пройдя сквозь легкие и внутренности. Мемногон опрокинулся назад и своим угасающим взором смог увидеть, что его банда всё еще неподвижно стоит. Они не дрогнули и не обнажили оружия,

глядя как Князь Ктул разрывает Мемногона и разбрасывает окровавленные куски его тела по треснувшему стеклу.

В этом мире им больше нечего делать. Их ржавый и деформированный космический корабль, в котором обитал угрюмый поработанный демон, словно чёрная жаба припал к поверхности обсидиановой долины, где они приземлились. Свет костра мерцал на его корпусе — костра, на котором догорали немногочисленные останки Мемногона.

— Он должен был умереть, — сказал Фалкром, стоя перед огнём. — Хаос — это свобода. Ни один человек не должен господствовать над другим. Провозгласив себя выше нас, Мемногон отнял у нас свободу, что дал нам Хаос. Мы не пойдем по такому пути снова. У варпа свой путь.

— Ты что, не помнишь? — прорычал Хэлкаст. — Мы уже говорили это раньше, когда бросили Владыку Корста. И Виксола Кхрэна до него. Они сражались и побеждали лучше других, и поэтому они становились во главе нас. А мы бросали их умирать, потому что Хаос не позволяет одному из нас править другими!

Он огляделся, посмотрев на других Повелителей Ночи, что стояли молча, слушая его.

— Никто из вас не помнит? Действительно, варп повредил наши разумы. Я не помню, кем был до того, как облачился в эти цвета. Но вы же должны помнить тех, кто был до Мемногона.

— Заткнись, Хэлкаст, лопни твои кишки! — заворчал Дратикс. — Это наш путь. Мы побеждаем слабость в своих рядах так же, как врагов вокруг нас. Мемногон подох, мы все понимаем почему. Так мы отрунули слабость его власти, чтобы стать ближе к Хаосу.

— Но мы не стали ближе! — ответил Хэлкаст, — это случится снова. Может, это буду я, или ты, Дратикс. Может даже, это будет этот бледный юнец, — Хэлкаст показал пальцем на Фалкрорма, являвшегося самым молодым членом банды.

— Один из нас снова возглавит оставшихся. Он поверит, что он другой, что остальные простят ему понукание нами. Но это будет ошибкой, и мы бросим его, он умрёт. Сколько раз это повторится? Десять, сто, тысячу?

— Тогда разорви этот порочный круг! — сказал Фалкром. Его глаза были широко открыты, как будто он вновь был захвачен своими пророческими видениями, когда пред его мысленным взором простор варпа не таил ничего и он мог прочесть будущее в его очертаниях. — Кинься в огонь или возьми болт-пистолет и вышиби себе мозги, если думаешь, что это тебя спасёт!

Хэлкаст посмотрел на догорающий костер, в котором оставалось только несколько обугленных костей.

— Решили ли мы когда-то, что сможем возвыситься над Хаосом? — сказал он мрачно. — Решили ли впечатлить богов своими триумфами? Неужели мы были наказаны за своё высокомерие? Поэтому мы здесь?

Другие Повелители Ночи уже грузились на корабль и, возможно, уже не слышали его. Бросив последний взгляд на остатки костра, Хэлкаст последовал за ними.

Корабль поднялся над обсидиановой долиной и пробил облака, чтобы продолжить свой путь в ночь, которой не будет конца.

Об авторах

Бен Каунтер — автор серии об Испивающих Души и Серых Рыцарях, наряду с двумя романами в серии Ересь Хоруса — один из наиболее популярных писателей Black Library. Он создает РПГ дополнения и комиксы. Его любовь к раскраске миниатюр доходит до фанатизма, и эта погоня за

совершенством принесла ему престижную премию в этой области — «Золотого Дракона». Писатель живет в Портсмуте, Англия.

Аарон Дембски-Боуден написал несколько романов для Black Library, в том числе серию о Повелителях Ночи, «Хельсрич» в цикле Сражения космодесанта, «Дар Императора» и бестселлер в серии Ересь Гора по версии New York Times — Первый Еретик. Он живет и работает в Северной Ирландии, прячась там от всего мира со своей женой Кэти.

Джон Френч — писатель и независимый гейм-дизайнер из Ноттингема. Для Black Library он написал множество рассказов, новеллы «Судьбоплет» и «Багровый кулак», и роман «Ариман: Изгнанник». Также он работает над играми во вселенной Warhammer 40,000 в жанре RPG. Когда выдается время, свободное от раздумий о темных тропах и гибельных сущностях, способных разрушить реальность и пространство, Джон любит порассуждать о том, почему эта затея не так уж и плоха, выставляя свои легионы предателей на игровой стол.

Лори Голдинг написала множество рассказов для Black Library: «Великая бездна», «Последний дозор» и «Обервальдский жнец», а так же аудиодраму «Сердце Мортариона» из цикла Сражения космодесанта. Поныне она работает в составе редакторской команды Black Library, доказывая что одержимая энциклопедичность познаний в Ереси Гора может в конце концов пригодиться. Она живет и работает в Ноттингеме, Великобритания.

Ник Кайм — автор трилогии «Книга огня», посвященную ордену Саламандр. Он также написал романы «Вулкан жив», «Падение Дамноса» и «Великое предательство» для серий Ересь Гора, Сражения космодесанта и Время легенд. В дополнение, он сочинил множество рассказов и несколько повестей, включая «Прочность железа», ставшую бестселлером в антологии «Примархи» по версии New York Times. Ник живет и работает в Ноттингеме.

Грэм Макнилл написал множество романов для Black Library, в том числе и очень популярный цикл об Ультрамаринах и Железных Воинах. Его «Тысяча Сынов», роман из цикла «Ересь Хоруса», вошел в список бестселлеров New York Times, а роман «Империя» из цикла «Время легенд» выиграл в 2010 году премию «David Gemmell Legend Award». Выходец из Шотландии, Грэм живет и работает в Ноттингеме.

Роб Сандерс — автор повести «Притаившийся змей», опубликованной в ставшей бестселлером антологии «Примархи» по версии New York Times. Другие его романы — Archaon: Everchosen для вселенной Warhammer; «Корпус искупления», «Атлас преисподней», «Легион проклятых» для Warhammer 40000 и много коротких рассказов для Ереси Гора. Он живет в небольшом городе Линкольн, Великобритания.

Энди Смайли, родом из Глазго, хорошо известен своими новеллами «Во плоти» и «Плоть Кретации» о Расчленителях. Он также написал множество рассказов об этом кровожадном ордене и большое количество аудиодрам, включая «Волк смерти» и «Из крови».

Гэв Торп — автор повести «Лев» из антологии «Примархи», бестселлера по версии New York Times. Для Black Library он написал много других книг, включая «Потерянное освобождение» в Ереси Гора и аудиодраму «Полет ворона», а так же полюбившийся фанам роман «Ангелы тьмы» и эпическую трилогию «Раскол». В настоящее время он работает над новой серией о Темных Ангелах — Наследие Калибана. Гэв обитает в Ноттингеме и делит свое пристанище со злым гением Деннисом, аугментированным хомяком.

Примечания

1

Оригинал: слегка искаженный «Сон в летнюю ночь» Шекспира, перевод — Осии Сороки.